

STALKER

Игорь Саюнов
Дарья Андреева

An atmospheric illustration of two stalkers in a dark, dilapidated building. One stalker, wearing a dark jacket, is seated on the left, looking down at a small object in his hands. The other stalker, wearing a hooded jacket and a tactical vest, is seated on the right, holding a spoon and looking towards the first stalker. A small lantern sits on the ground between them, casting a warm glow. The background shows the crumbling walls and debris of the building, with a patterned rug visible on the right. The overall mood is somber and mysterious.

ЛАЗУРЬ

Апокалипсис-СТ

Дарья Андреева

Лазурь

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Андреева Д.

Лазурь / Д. Андреева — «Издательство АСТ»,
2020 — (Апокалипсис-СТ)

ISBN 978-5-17-134146-6

Пятеро юных балбесов не смогли придумать лучшего развлечения, кроме как отправиться на нелегальную экскурсию в район ЧАЭС. Длинный поход – какая же скука! И как назло ни одной приличной аномалии, даже похвастаться нечем... Вот только сталкер-проводник оказывается не тем, за кого себя выдает, и лесные зверушки вовсе не так безобидны, и автомат, нацеленный в лоб, стреляет по-настоящему, да и радиационный фон – отнюдь не выдумка. Группа студентов-экскурсантов оказывается разобщена, и тогда Зона берется за них всерьез. Неверные решения, непоправимые ошибки, необратимые изменения – и вот ты уже и сам не можешь сказать наверняка, человек ли ты. И если все еще да – какую цену запросит Зона, когда ты соберешься ее покинуть? Услышит ли она безмолвную мольбу своей новой игрушки?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-134146-6

© Андреева Д., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Пролог	6
Часть 1	8
Глава 1	8
Глава 2	22
Глава 3	36
Глава 4	51
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Игорь Саюнов, Дарья Андреева

Лазурь

© Андреева Д., Саюнов И., 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Пролог

Юго-западный ветер налетал порывами. Он раскачивал уже успевшие покрыться сочными молодыми листочками ветви деревьев и трепал белье, развешанное на веревке. Совсем не майский холод пробирал легкие ветровки четверых собравшихся в любимом уголке двора подростков. Здесь, в тесном пространстве, зажатом среди девятиэтажек, ветер сквозняком проносился от угла дома, выходящего фасадом на бульвар, к пустырю, что начинался прямо за высоткой напротив. С ветром кроме пыли неслись свежий аромат скошенной травы – с соседней улицы доносились звуки триммера. Лишь совсем недавно газоны покрылись уверенной порослью, но вездесущие косильщики уже всю отработывали зарплату.

Солнце, несмотря на ветер, и не думало скрываться за облаками. Оно пригревало уже вполне по-летнему. Утренний прогноз обещал промозглый пасмурный день, и проходим, которые поверили ему, приходилось каждые пять минут расстегивать куртки, чтобы уже спустя несколько шагов, озябнув от постоянных порывов, снова застегнуться и снова маяться от жары.

Степан, наклонив голову и подставив ветру спину, подошел к компании друзей, держа в руках две запотевшие бутылки пива, поставил их на землю и уселся на самодельную разукрашенную лавочку, созданную, видимо, в порыве вдохновения кем-то из жильцов.

– Так че, как вам мысль? – как ни в чем не бывало продолжил он прерванный походом в магазин разговор, легко свинтив металлическую крышку с горлышка одной ладонью и сделав пару глотков. – По-моему, зашибись вообще, а, Димыч?

Его товарищ, сидевший напротив на такой же самодельной лавке в окружении трех девушек, протянул руку за второй бутылкой и откупорил ее более щадящим по отношению к своим рукам методом – поддев корпусом зажигалки. Задумчиво послушал шипение напитка, с наслаждением вдохнул солодовый аромат, однако пить не торопился.

– Ну, в принципе, идея неплохая, – произнес он, с сомнением растягивая слова и по-прежнему с деловым видом разглядывая бутылку. – Может, я б и съездил.

– Во! Мужик мужика всегда поддержит! – задорно хохотнул Степан и поднял бутылку повыше, обозначив тост. – Девчонки, соглашайтесь! Будет прикольно, отвечаю!

– Я за! – сразу отозвалась темноволосая девушка со стрижкой каре и веселыми темными глазами. Она сидела по левую сторону от друга Степана, хитро прищурившись и сложив вытянутые вперед руки на коленках. – Всегда хотела побывать в подобном местечке.

– За Катюху я не сомневался! – воскликнул зачинщик мероприятия. – Она по таким делам всегда первая! Ленка Димыча одного тоже не пустит, а Анютка не станет отрываться от коллектива!

– Куда я от вас денусь! – улыбнулась девушка, сидевшая рядом с Катей. Она была ниже своих подруг, шупленькая, зеленоглазая, с короткими, до ключиц, волосами чуть светлее Катиних. – Может, я об этом потом пожалею, но отрываться и правда не буду.

– Ребят, давайте лучше на море! – подала голос блондинка с выразительным вечерним макияжем, смотрящимся в столь затрапезной обстановке довольно неуместно. – Позагораем, покупаемся. У нас в шараге почти вся группа по морям разъехалась!

– Ленка, у тебя че, мало аватарок в купальнике? Нет, я, конечно, люблю на них поглазеть, но тут прикинь, ты такая в бикини – и на фоне ЧАЭС! Аватарка – во! Отвечаю, ни у кого такой нет! – игривым тоном протянул Степан, подмигивая блондинке, но, словив прищуренный взгляд друга, тут же перешел в оборону: – Димыч, ну скажи ей, ну правда же!

Катя с Аней, не выдержав, засмеялись, а Степан отхлебнул еще пива и чуть не поперхнулся пеной, чем вызвал еще большее веселье.

– Дурак ты, Степа! – обиделась блондинка Лена, подвинувшись поближе к своему парню. – Нас туда никто не пустит! Еще постреляют, как зайцев, когда лезть будем! Я вот недавно читала про таких же, которые пытались в Зону залезть, так их...

– Да как постреляют, ты че! – махнул рукой Степан. – У нас же свой чел будет, оттуда.

– Кстати, Степка! – Его товарищ, так и не притронувшись к бутылке, встрепенулся, будто вспомнил о самом важном. – Ты хоть знаешь этого проводника? Он нормальный, не кинет?

Степан осклабился, явно довольный собой:

– Не, не бойтесь, реальный мужик, отвечаю! Он другана моего с пацанами в прошлом году водил. До станции не дошли, но им и так хватило. Говорит, чуть не обделались, но здорово было – зашибись! В конце друган ему даже часы подарил на память. Настолько сдружились!

– Часы?

– Да, тиссотовские, не паль. Говорит, этот дядька его из какой-то внезапной передраги там вытянул, так он в благодарность и отдал. За такое не жалко!

– Ну смотри, кинет – мы с тебя за моральный ущерб проценты снимем, – усмехнулся Дима, приобняв Ленку одной рукой и шутливо погрозив Степану пальцем. Катя с Аней поддерживали его слова ехидными смешками и кивками.

– Да я вам говорю, не пожалею! Круче любого моря! – воскликнул Степан, отбрасывая недопитую бутылку куда-то в кусты возле подъезда. – Завтра наберу этого кента, договорюсь!.. Фу, жуткий пивас!

– Ехать-то долго? – поинтересовался Дима, спокойно глядя на морщащегося друга.

Степан беззастенчиво взял у него так и не початую бутылку с другим сортом внутри, сделал пару хороших глотков и задумался.

– Щас прикину... часов пять, наверное. Друган говорил, что там «буханка» по грунтовке волокется долго, последние километров двадцать дорога никакая!

Его приятель покачал головой, обменялся взглядами с Леной и скептически спросил:

– Стоит того? Пять часов в «буханке» колотиться – как-то не айс. Я б лучше пешком эти двадцать километров, да на югах...

– Стоит, не переживай. Пешком и там набегаетесь, мама не горюй!

Степан в один внушительный глоток, будто ставя в разговоре точку, осушил бутылку, отправил ее вслед за первой и богатырски рыгнул, вызвав неодобрительные возгласы женской половины компании.

Друзья еще долго сидели во двореке и обсуждали дальнейшие планы. Первые накопленные деньги подвигали на нечто большее, чем распивание спиртного в клубах и новые шмотки, и экскурсия в Зону, о которой здесь каждый слышал с детства, пугающую, мрачную и обросшую бесконечными легендами, была только первым пунктом будущего лета – море никто не отменял, но экстремальный туризм все же вышел на первое место.

Часть 1

Глава 1

Компания из трех девушек и двух парней уже сорок минут топталась у входа на центральный вокзал в напряженном ожидании. Бойкая активистка Катя подготовилась основательно: за ее плечами висел внушительный рюкзак с содержимым на все случаи жизни, не было в нем разве что палатки, которая попросту не влезла. На девушке был неброский, но удобный и недорогой спортивный костюм и крапчатая бандана. Аня, в отличие от своей запасливой подруги, была налегке, будто собралась на прогулку: простые широкие штаны цвета хаки, темные кроссовки чуть выше щиколотки, обычная летняя футболка и небольшая, но вместительная сумка через плечо. Лена, нахмурившись, теребила ляжку розового рюкзака – дамской сумочки по сравнению с Катиним баулом. Ее спортивный костюм был в тон рюкзаку – розово-серый. Образ типичной блондинки дополняли белые кроссовки и собранные в хвост на затылке свежестриженные длинные волосы.

Парни оделись понадежнее: футболки и джинсы, поношенные и потертые, но, как говорится, проверенные годами. Степан к тому же надел видавшие виды берцы, Дима ограничился новыми, специально купленными для похода кроссовками. За спинами у обоих были объемные рюкзаки с запасом провизии и всякой нужной мелочевки, а также спальными мешками на всех пятерых.

Одним словом, компания из-за своей разношерстности выглядела даже забавно, и все было бы хорошо, да только время шло, а проводник так и не появлялся. Мимо сплошным потоком пробегали вечно спешащие люди, и ребята начали понемногу разочаровываться в своей задумке. Несчастный Степан уже услышал в свой адрес дюжину подколов и шуток, сам успел неуверенно подшутить над непунктуальностью «реального мужика», но когда время безрезультатного ожидания опасно приблизилось к часу, занервничал всерьез.

– Если он не придет через пять минут, я еду домой! – надувшись, заявила Лена. – Я в четыре утра встала! Лучше бы на море поехали! Сейчас бы уже на пляже валялись.

– Хорошо еще деньги вперед не потребовал! – усмехнулась Катя, сидя верхом на своем необъятном мешке. Ее подруга Аня молча пристроилась сбоку и грустно шурилась на солнце. – А то, Степ, ты бы с нами не расплатился!

– Ну, подумаешь, лоханулся. С кем не бывает? – кисло улыбнулся тот, а сам мысленно честил на все лады приятеля, который посоветовал связаться с этим проводником.

– Ладно, народ, ждем еще пять минут и валим, а то это не дело совсем, – решил Дима, глянув на свои часы. – Целый час тут торчим...

– Кто из вас Степан Даценко?

Низкий грубоватый голос прозвучал очень отчетливо, выбиваясь из привокзального шума, к которому ребята уже успели привыкнуть, и заставив их почти одновременно обернуться на его источник. Человек, незаметно подошедший к болтавшим товарищам, не соответствовал окружающей обстановке не только голосом, но и своим внешним видом, причем настолько, что случайные прохожие невольно бросали в его сторону косые взгляды. И дело было вовсе не в длинном свободном плаще грязно-зеленого цвета и не в глубоком капюшоне, надвинутом почти до половины лица так, что видно было только широкий небритый подбородок. Сама атмосфера вокруг него казалась какой-то чужой, будто он прибыл из другого, далекого и сурового мира. Это пугало и притягивало взгляд одновременно, только вот зацепиться этому взгляду было не за что – длинный плащ хорошо прятал своего носителя.

– Фигасе, настоящий сталкер! – Дима, так и замерший с поднятой рукой, не удержался от комментария.

Но высокий мужчина даже не глянул в его сторону.

– Я Даценко, – выступил вперед присмиревший Степан. Чужак явно смутил его, и в присутствии этого человека парень уже не чувствовал себя лидером компании.

Сталкер в ответ кивнул.

– Пятеро, как и договаривались. Похоже, порядок, – констатировал он и протянул Степану правую руку. Тот, смутившись и недоумевая, чуть не попытался ее пожать, но внезапно понял: деньги! Две пачки сиреневых и коричневых купюр перекочевали из его кармана в карман проводника, после чего тот удовлетворенно хмыкнул и буркнул:

– Идемте.

Ребята растерянно переглянулись, однако последовали за странным человеком, так ничего и не сказав ему по поводу опоздания.

* * *

Пятеро друзей и проводник тряслись в спартанском салоне подсакивавшего на ухабах старого УАЗа, петляя по заросшим проселкам. Машина то взбиралась на очередную горку, то ныряла с крутого спуска, будто норовя зарыться носом в землю. Скорость была минимальной, водитель в кабине вертел широкую баранку, ловя на расхлябанной грунтовке хотя бы какую-то пригодную для проезда колею. Каждый из ребят успел набить не одну шишку на макушке о металлический потолок, когда микроавтобус в очередной раз встряхивало так, что сидящие в нем буквально взлетали со своих мест. Громче всех ойкала и тихонько скулила, потирая ушибленную макушку, Лена, не привыкшая к подобного рода условиям. Ее парень, впрочем, как и все остальные, преимущественно морщился и беззвучно чертыхался; в остальном же ребята держались на удивление мужественно. Ремней у кресел, естественно, не было. Поначалу поездка была не столь ужасной: в городе и на трассе водитель хоть и гнал, не обращая особого внимания на другие машины, но в итоге всего один раз чуть не влетел в аварию, когда выскочил на обгон перед встречным потоком и едва успел втиснуться обратно на свою полосу. Помимо этого случая за первые два часа ничего особо страшного не произошло. Затем асфальт кончился, и с ним кончились последние надежды, что дорога будет приятнее, чем описывал со слов своего знакомого Степан.

В салоне воняло бензином, куревом и еще какой-то дрянью; позади, за сиденьями, гремела на ухабах груды резаного и обожженного кабеля вперемежку с металлическими запчастями непонятных механизмов. Все это источало удушливый запах паленой резины, масла и металла, примешивавшийся к общему коктейлю. Впрочем, их проводника подобная атмосфера мало заботила: он сидел, упершись рукой в потолок и высматривал в окно какие-то только ему ведомые ориентиры. Всю дорогу он молчал. Наконец, когда ребятам стало казаться, что эта невыносимая тряска скоро выбьет из каждого душу, громко и резко произнес:

– Тормози, Живодер. Дальше мы пешком.

Водитель съехал на обочину и остановил машину. Подростки высыпали наружу, облегченно вдыхая прохладный и сырой воздух, кажущийся после душного салона благодатью. Странное обращение к человеку за рулем отметили все пятеро, но спросить не решился никто, да и, честно говоря, им было не до того. Проводник перекинулся с водителем парой слов, неизвестно откуда извлек короткий автомат, буднично закинул его ремень на плечо и захлопнул дверь.

– Значит, так, молодежь, – гаркнул он, пока ребята, отдышавшись, разминали затекшие конечности, – мое имя Иван, так ко мне и обращайтесь. Во время экскурсии внимательно слу-

шаем и выполняем все, что я говорю. В противном случае могут возникнуть очень плохие последствия, и касаться они будут прежде всего вас. Все ясно?

– Ясно! – кивнул Степан. Остальные закивали молча.

– Хорошо. Идите за мной, – заключил мужчина, еще глубже надвинул капюшон и зашагал по едва заметной тропинке, что убегала прочь от дороги и терялась среди деревьев.

Вся компания, выстроившись цепочкой, поспешила следом. Аня, уходившая последней, оглянулась и встретила взглядом с водителем, оставшимся в машине. Девушка поежилась: было в его глазах что-то нехорошее, будто он выжидающе следил за ними. Хотя расстояние и стекло, через которое они смотрели друг на друга, вполне могли исказить черты лица человека, сделав их более злобными.

«Наверное, показалось», – решила она и вместе с группой ребят скрылась в зарослях.

* * *

Старый бетонный забор с колючей проволокой наверху, ограждающий периметр Зоны, выглядел в этих местах совсем заброшенным. В свое время он явно был высоким и неприступным, теперь же, местами покосившийся и подпираемый свежими молодыми деревьями, побитый ветром и дождями, являл собой скорее подобие ограды и выполнял функцию больше символическую. Даже колючка, обильно намотанная вдоль блоков, отторжения не вызывала. Иван подошел к одной из секций, приподнял тяжелый на вид кусок плиты, прикрывавший незаметный в зарослях лаз высотой в половину человеческого роста, оттащил его в сторону и нырнул внутрь. За ним, озираясь, будто сразу же за оградой их ждет что-то удивительное, последовали ребята. Пока они глазели по сторонам, пытаясь свыкнуться с мыслью, что загадочная Зона наконец оказалась перед ними здесь и сейчас, проводник высунулся наружу и ловко вернул импровизированную заслонку на место.

Переход в Зону оказался почти незаметным, хоть и хорошо ощутимым: все те же шорохи, те же растения, та же пестрота леса, вот только краски с погружением вглубь территории становились чуть другими. Охра, золото, алебастр листвы и трав, настоящее осеннее полноцветие, не замечавшее, казалось, наступивший снаружи май, поджидало их сразу за забором. На расстоянии от него цвета бледнели, блекли, будто все вокруг погружалось в туман, только на самом деле тумана не было. Катя незаметно выудила откуда-то из недр своего бездонного рюкзака компактную зеркалку и непрерывно щелкала окружающую ребят природу, вполголоса комментируя непривычную цветопередачу. Рядом недовольно бормотала Лена, выпутывая из волос веточки и мелкий лесной мусор. В отличие от более предусмотрительной подруги, девушка рисковала подцепить клещей и считала необходимым жаловаться на это всем остальным.

Когда лес закончился и впереди замаячила заросшая холмистая равнина, тусклое пасмурное небо навалилось на ребят со всех сторон, заставляя забыть о солнце и майской свежести – они остались позади, а здесь, в Зоне, по ощущению стояла вечная осень, полностью игнорирующая фактическое время года. Они шли уже несколько часов, за которые сталкер, ведущий их, не сказал ни единого слова. Он шагал как заведенный, ступая уверенно, будто не по покрытым высокой подсохшей травой холмам, а по асфальту, периодически доставал небольшой смартфон, сверялся с картой и читал какие-то сообщения, не останавливаясь при этом ни на минуту. Степан молча следовал прямо за ним, рядом с другом ковылял и Димка, не догадавшийся разносить кроссовки заранее и потому стерший ногу и тихо поругивающийся, но все же достаточно мужественный для того, чтобы не просить устроить привал. Девочки, шедшие позади них, хоть и выглядели бодрыми, но немного сил еще оставалось разве что у спортсменки Кати. Свою камеру девушка вынуждена была спрятать в угоду удобству. Аня с Леной выдохлись полностью: такие расстояния даже по хорошей дороге для них были редкостью, здесь же девяносто процентов пути пролегал по пересеченной местности. Сталкер

петлял и кружил, будто путая следы. Впрочем, исходя из того, что успел рассказать Степан о прошлогоднем походе своего приятеля, дело было, скорее, в поиске безопасной тропинки среди невидимых угроз – радиации и аномалий, по слухам, порожденных произошедшей катастрофой. Впрочем, Степан говорил, что для их поиска сталкеры кидают болты или используют специальные приборы, Иван же просто шагал, так, будто он один видел среди травы и сухостоя тоненькую ниточку, обозначающую запутанную тропку.

Вскоре группа вышла на заросшую железнодорожную линию и двинулась вдоль покрытых ржавчиной рельсов. Их шершавая поверхность была почти черной от постоянной сырости, в затхлом воздухе пахло болотом, а над головой сгрудились темные грузные облака. Только неравномерно расположенные шпалы, по которым приходилось шагать, заставляли хоть как-то сгонять с себя нездоровую сонливость, навеваемую местной атмосферой и подогреваемую усталостью. Степан невольно вспомнил слышанный им несколько дней назад в светлом, продуваемом всеми ветрами дворе вопрос: «Стоит того?» Он зло сжал кулаки, бросил быстрый взгляд на Димку, будто эти слова снова слетели с его губ, а не прозвучали где-то в глубинах сознания, судорожно кивнул и продолжил шаг за шагом приближаться к чему-то неведомому, что ждало их там, за горизонтом.

Стоит. Еще как!

Когда Димка стал уже совсем явно хромать, а девчонки – отставать настолько, что порой тревожно окликали мужскую часть группы, прося подождать, из сгустившихся вечерних сумерек бледным, выложенным декоративной плиткой боком вылезло просторное здание вокзала с просевшей крышей.

– Вильча, – буркнул сталкер. – Ночуем здесь.

Бывшая крупная станция напоминала сейчас островок в бесконечном бушующем море ветвей и трав. Леса и болота простирались отсюда на долгие десятки километров, обступая на своих окраинах старую ЧЗО, будто обрамляя ее, отделяя от Зоны, раскинувшейся сорокакилометровым пятном за старыми периметрами.

– ЧЗО еще далеко, – будто бы сам себе медленно проговорил сталкер, вороша длинной веткой угли, с которых мерцающим облаком взлетали, уносясь в небо, легкие искры, – она опаснее новой Зоны. И интереснее. А отсюда начинаются настоящие аномалии.

Ребята сидели вокруг костра, разведенного на крыльце, у самого входа в здание. Толстая, обитая листовым металлом станционная дверь с огромным, чудом сохранившимся окном была кем-то снята с петель и аккуратно приставлена к внутренней стене зала ожидания, его мозаичный пол из советской авантюриновой плитки, усеянный невесть откуда взявшейся каменной крошкой, был аккуратно расчищен на небольшом пятнышке, на котором уже ждали подготовленные спальники. Путешественники у костра слушали, как оттуда, из глубины зала, доносятся порожденные не то ветром, не то еще чем-то звуки: щелканье, потрескивание, шорохи. Нехитрый ужин из консервов и печенья был съеден – только Катя сообразила взять с собой несколько отварных яиц, картофелин и сушеные фрукты, которые разошлись среди голодных товарищей в мгновение ока. Чтобы окончательно согреться, ребята заварили травяной чай в котелке. Иван потягивал какую-то, судя по запаху, явно алкогольную жидкость из собственной фляги.

– Что здесь случилось? – спросил Димка, замотавший ногу полотенцем на манер портянки и протянувший ее поближе к живительному теплу костра. – Что именно было пятнадцать лет назад?

Сталкер помолчал, глядя куда-то в темноту и прислушиваясь к ночным звукам окружающего леса, повернулся к парню и отрывисто сказал:

– Зона. Изменилась. Деформировалась.

– Это я знаю, – кивнул Димка, – нам еще в школе рассказывали о перезагрузке Зоны и неклассической физике. А что случилось в действительности? Не в смысле научных объяснений. Как это было?

Слова проводника сыпались, будто свинцовые дробины.

– Страшно. Я помню старую Зону. ЧЗО. Ходил сюда, когда был как вы. Станция Вильча была еще действующей, ездил сюда на товарняках, а дальше пешком. Потом все перевернулось. Говорят, что был какой-то взрыв. Но это было не как взрыв. Как будто пространство скомкали, а потом снова выпрямили. Там, где остались складки, возникли аномалии. Я был на старой окраине, когда все поменялось, а оказался вдруг почти в центре. Без оружия, без экипировки. Зона расширилась, расползлась. Набежали военные. Тогда никто не знал, что делать с появившимися мутантами, общаться или воевать. Никто ничего не понимал. Мне повезло, я попал в «горелку»... Аномалия такая. Но меня вовремя спасли. Вылечили. Я ушел отсюда на три года. Потом вернулся насовсем.

– Почему вы не остались там, снаружи? – спросила Аня, кивнув в ту сторону, откуда они пришли.

– Потому что это мои места. Я знал здесь каждую кочку, каждое дерево. Я изучал здесь все десять лет до того, как Зона поменялась. Потом привык и к новой.

– Скучаете по тому, как все было прежде?

Сталкер вздохнул глубоко и тяжело, так, будто речь шла не о воспоминаниях юности, а о потере близкого человека, после чего, будто стальной брусок, выронил из себя только одно слово:

– Очень.

Иван замолчал и приложился к фляжке, разливая вокруг терпкий аромат крепкого напитка. Ребята тоже притихли.

– Раньше была радиация, – снова заговорил сталкер с хрипотцой в голосе. – Была память о трагедии восемьдесят шестого. Это страшно, но понятно. А теперь все поменялось, и понимания больше нет. В итоге все смешалось из-за той перезагрузки.

– Центр Зоны. – Степан, сидевший на ступеньках, чуть подался вперед. – Он прямо на станции или уже нет?

– Нет. Многие говорят, что он в старом городке ученых неподалеку от нее. А наверняка никто и не знает.

– Вы были и там, и там? – спросила Катя, глядя на проводника мерцающими от костровых бликов глазами.

– В городке был. До ЧАЭС не доходил ни разу. Это очень сложно.

– А кто доходил?

– Некоторые, – уклончиво ответил сталкер и отвернулся, чтобы снова прислушаться к гулкой разноголосой ночи.

В аспидном мраке угадывалось сплетение древесных ветвей – совсем рядом, буквально в десятке метров от стены заброшенного вокзала. Но маленький костерок будто терял свой свет в неизбывной круглосуточной тусклости и не мог пробить пелену темноты дальше, чем на пять-семь шагов.

Лена дремала на плече Димки, пригревшегося и оттого тоже клевавшего носом. Аня, вооружившись фонариком, пошла в здание, вслед за ней направилась и Катя, не забыв прихватить зеркалку. Степан кемарил прямо у костра. Иван сидел тихо, изредка клацая ногтем по экрану своего смартфона или вороша палкой костер.

Вой прорезал ночь гораздо легче любого света. Он раздался резко, внезапно, будто со всех сторон: жуткий, до слез тоскливый и чрезмерно громкий. Ребята повскакивали с мест, из домика высунулись девчонки, проводник встал и положил руку на цевье автомата.

– Сидите. Они далеко. Уйдут.

– Кто это? – прошептала испуганно Катя.

– Псы, – бросил сталкер, прищурился и в несколько широких шагов растворился в темноте, оставив после себя легкий шелест потревоженных веток. Через пару секунд шелест также сошел на нет.

Ребята оцепенели. Прошло две минуты. Потом пять. Потом еще пять. Ни сам сталкер, ни издаваемый им шелест больше не проявлялись. Впрочем, вой, к счастью, тоже не повторялся.

– И что теперь? – почти одними губами прошептал Димка.

Степан жестами показал всем спрятаться в здании, быстро затушил костер, закидал его место землей и, войдя последним, не без помощи Димки приставил к косяку дверь, грохнувшую при этом до неприличия гулко.

– Шкеримся тут до утра. Если мужик не вернется, по свежей памяти аккуратно чешем назад.

– Думаешь, не вернется? – Лицо Лены, задавшей этот вопрос, в темноте было неестественно бледным, даже немного светящимся. «Пудра! – с облегчением понял Степан после секундного замешательства. – Напугала, зараза!..»

– Сама подумай. Ушел в темноту против псов, пропал, выстрелов не было. Какой шанс, что его не сожрали там? А если и не сожрали, мало ли...

Дверь с грохотом рухнула на пол, заставив друзей вздрогнуть. Лена испуганно взвизгнула и тут же прикрыла рот ухоженной ладонью. Только теперь все пятеро с опозданием поняли, что забыли хотя бы чем-то ее подпереть. Впрочем, на этот раз судьба была к ним благосклонна. На пороге стоял целый и невредимый сталкер. Он обвел взглядом ребят и не без ехидства спросил:

– Страшно?

Ребята закивали.

– Ну и зря. Сказал же, псы далеко. К тому же я знаю, как их разогнать. Кто потушил костер?

– Я, – робко произнес Степан.

– Марш разжигать новый. Остальные спать. Завтра далеко идти.

* * *

Следующий день был похож на предыдущий, как две капли воды. Наспех позавтракав остатками ужина и сделав пару фото на память, ребята покинули приютившую их станцию. Отдых должен был пойти им на пользу, но ожидаемого облегчения не принес, и более-менее бодро шагали только привыкшая к походам Катя и демонстративно храбрившийся Степан. Лена обиженно сверкала заспанными глазами без привычного макияжа – она попросту не успела его сделать, и без туши и теней ее глаза, казалось, терялись на бледном лице. Девушка жалась поближе к своему парню, которого куда больше в этот момент интересовала стертая днем ранее нога. Сталкер сказал, что им нужно дойти до заброшенной временной базы ученых, там можно будет заночевать и на третий день двинуться на максимально близкое расстояние к центру Зоны. Большую часть пути он шел по-прежнему молча, но время от времени нарушал тишину, рассказывая недлинные истории о том, как люди, случайно попавшие в Зону без опытных сталкеров, сходили с ума или погибали по собственной неопытности и беспечности. Говоря это, он оборачивался и многозначительно смотрел на ребят, как бы намекая, что им на фоне героев рассказов достаточно сильно повезло.

Заболоченные перелески сменились бесконечными бугристыми буро-желтыми лугами с лежащим будто по ветру ковылем, которые в свою очередь уступили густому сосняку с редкими полянками. Все чаще по дороге попадались участки, где воздух дрожал, словно нагретый; идущий впереди Иван обходил их как можно дальше, а если приходилось все же приблизиться – кидал вперед крупные старые болты, которых у него на поясе моталась целая сумка. Когда первый болт попал прямиком в дрожащий воздушный сгусток, послышался хлопок, и

металл мгновенно разлетелся в пыль, заставив компанию ребят испуганно съежиться. Они шли гуськом независимо от того, насколько широка была дорога, – так велел сталкер. На одной из заросших просек ЛЭП, на которую они свернули с размякшего от дождей проселка, Иван подозвал их к проржавевшей опоре и показал на синеватое мерцание под ней, напоминающее искры бенгальской свечи.

– Смотрите, – коротко сказал он, достал из сумки увесистый ржавый болт, прицелился и кинул в самый центр свечения. Раздался сухой электрический треск, блеснула яркая, похожая на молнию вспышка, и воздух наполнился густым запахом озона. Молния обняла опору так, будто та была ее клеткой, поползла по ней вверх, расцветив каждую перекладину, и глухо щелкнула, добравшись до вершины. Через мгновение опора снова выглядела как обычно, лишь под ней по-прежнему плясали синие искорки.

– «Искра», – пояснил Иван. – Их здесь немало. Продолжаем идти след в след, иначе...

Он не стал заканчивать фразу, просто красноречиво посмотрел на аномалию еще раз и двинулся дальше.

После полудня монотонность второго перехода начала невыносимо давить на ребят, и от прежних ожиданий не осталось и следа. Каждый уже мысленно успел засомневаться в целесообразности мероприятия, и неизвестно, как бы они добирались до назначенного места, если бы банальная случайность не изменила одним махом все.

Просека расширилась, перейдя, по-видимому, в бывшее колхозное поле, где слева на горизонте были какие-то ангары, принадлежавшие не то машинно-тракторной станции, не то сельскохозяйственному аэродрому, а справа шла тонкая кромка леса, до которой от самых построек тянулось все еще ровное, но уже совсем заросшее пространство. Компания двигалась ближе к деревьям, когда из-за них совершенно внезапно выскочил здоровенный, устрашающего вида кабан. Он пулей вылетел из перелеска и устремился к проводнику, шедшему чуть впереди. Сталкер оказался расторопным, он ловко извернулся и вскинул автомат, который нес до этого в руках, однако удача была на стороне зверя. Кабан боднул Ивана в живот, заставив охнуть и упасть на утоптанную тропинку, взмахнув руками. Автомат отлетел в сторону, из кармана плаща выпал в траву смартфон. Зверь, взявший слишком большой разбег, теперь несясь по инерции, описывая широкий круг и явно целясь в группу ребят. Те, поначалу остолебев от неожиданности, теперь приходили в себя и резво соображали, что делать. Аня в растерянности застыла на месте, Димка, и без того едва ковыляющий на больной ноге, обреченно смотрел на кабана, даже не пытаясь куда-то двигаться, а Катя и Лена рванулись в стороны, намереваясь бежать куда глаза глядят. Ситуацию спас Степан.

– Стоять!

Неожиданно для самого себя он собрался, сориентировался и в два прыжка очутился возле автомата, схватил с земли оружие, неумело поднял, направил в сторону зверя и что было сил надавил на спусковой крючок. Автомат чихнул кроткой очередью, ствол взлетел вверх от отдачи, но кабан, получив две первых пули, издал обиженный визг и, не сбавляя скорости, попытался ретироваться обратно в лес. Буквально через несколько метров он вдруг споткнулся, замерцал синим свечением и покатился по земле, нелепо дергая ногами под сухой электрический треск. Ветерок донес до ребят вонь паленой шерсти.

Сталкер, все еще лежащий на дороге, приподнял голову, шумно вздохнул и уронил ее снова.

– Тупая зверюга, – мрачно резюмировал он.

Степан, чувствуя себя настоящим героем с оружием в руках, наклонился и поднял его смартфон.

– Вот, у вас выпал... – И тут парень осекся. Он смотрел на экран, а лицо его за пару секунд отразило целую парадигму эмоций: от удивления и непонимания до злости.

Сталкер перевернулся на живот и начал с трудом подниматься, встал на четвереньки – и застыл. В лицо ему смотрело дуло его же автомата.

– Ах ты собака поганая! – злобно прошипел Степан, держа палец на спусковом крючке.

– Степ, ты чего?

Димка, морщась и прихрамывая, подошел к нему и заглянул из-за плеча в гаджет. За ним подошли и девчонки.

– Чего? Почитай! Живодер, дружок его, что нас вез, пишет, что вещество уже готово, он на базе, а еще интересуется, много ли ценного этот хмырь, – Степан кивнул на Ивана, – у нас видел.

Он отдал Димке смартфон и взял автомат обеими руками, прицелившись сталкеру в лицо.

– Это... не то, что ты... думаешь. – Слова давались проводнику тяжело, видимо, после удара кабана ему было трудно восстановить дыхание. Степан в ответ ткнул в его сторону дулом автомата.

– Цыц! Молчать и не вставать! Что скажете, народ?

Ребята переглянулись. Переписка действительно была неопровержимым доказательством нечистых намерений этих двоих. Чуть вперед подалась Аня.

– А вы как это объясните, Иван?

– Просто... – Сталкер медленно подобрал под себя ноги и сел, прижав колени к подбородку. В воздухе повисло напряженное молчание. Ребята терпеливо ждали, руки Степана ощутимо тряслись. Наконец проводник отдышался и заговорил: – Живодер ждет нас на базе. Вещество поможет пройти к центру Зоны. Помогает от аномальной активности. Про ценности спрашивал потому, что их придется сдать, оставить на базе, прежде чем идти к центру. Там шпана вокруг вьется, как мухи. Неохота расплачиваться репутацией из-за...

Димка замотал головой и перебил его на полуслове.

– Что вы несете? Какое вещество от аномальной активности, какая репутация? Это же явная ложь!

Степан многозначительно качнул дулом автомата и прицелился получше. Сталкер, глядя в черную пустоту ствола, тоскливо пробормотал:

– Ладно. Мы хотели забрать у вас ценности. Часы, украшения, снарягу. Раздевать и забирать последнее не хотели. Только лишнее.

– Что за вещество?

– Специальное. Ученые, когда ловили мутантов, накачивали их, а те им подчинялись. Живодер научился рассчитывать человеческую дозу.

– Ты че, нас убить хотел? – возмущенно рявкнул Степан.

Сталкер попытался рассмеяться, но закашлялся.

– Ты дурак? – с искренним интересом задал он встречный вопрос. – Если бы хотел, вы бы даже из автобуса не вышли.

– Тогда что?

– Я же сказал. Вы бы отдали сами все, что мы попросим. Были бы уверены, что сделали это добровольно. Например, в благодарность за спасение. Вернулись бы домой, еще и довольны остались.

– Ну все, Степка! – Димка с нервным смешком хлопнул друга по плечу. – Торчишь ты нам теперь бабки. Говорил же, кинет твой проводник!

– погоди, не до того сейчас! – Степан сбросил его руку с плеча и на секунду повернулся к другу. Всего на секунду – но этой краткой утраты бдительности сталкеру хватило. Он схватил автомат за дуло и дернул на себя. Степан нажал на крючок, однако сталкер уже ушел с траектории выстрела, и пули, фонтанчиками взрыв землю, ткнулись глубоко в раскисшую почву. Степан не удержал цевье, а сталкер с неожиданной прытью вскочил на ноги и взял его на прицел.

– Зря по-хорошему не захотели, – невозмутимо произнес проводник.

Степан, сконфуженно моргая, поднял руки. Остальные напряженно замерли – слишком внезапно произошла смена ролей.

– Вещи на землю, – угрожающе приказал проводник. – Все рюкзаки и сумки. И стоять смирно.

Компании друзей пришлось подчиниться. Рюкзак Кати глухо ухнул на землю, вслед за ним упали и остальные сумки.

Сталкер, наблюдавший за этим, кивнул.

– Теперь ждем. Напишу Живодеру, чтобы пришел с веществом, на месте вас и обработаем. Не бойтесь, большинство вещичек обратно унесете.

Он хохотнул, не теряя при этом сосредоточенности ни на миг. Все еще держа ребят попеременно на прицеле, он жестом приказал Степану отдать смартфон, который тот все еще сжимал в ладони и, оставив автомат в одной руке, взял его во вторую, пару раз ткнув в экран большим пальцем.

Никого из ребят не устраивал такой исход, и эта мысль, в той или иной форме, крутилась в голове у каждого из них. Каждому хотелось что-то сделать, как-то остановить приближение столь незавидной участи, каждый, независимо от других, ждал удобного момента, чтобы сделать тот самый первый шаг.

Димка, находящийся чуть сбоку и ближе всех к проводнику, сорвался с места, прыгнул вперед, несмотря на больную ногу, и изо всех сил толкнул сталкера, уже второй раз за последние полчаса пропустившего удар. Тот потерял равновесие, но успел схватить парня в охапку одной рукой. Лена бросилась следом за Димкой и, не понимая толком, что делает, врезала ногой по другой руке, в которой проводник держал автомат. Оружие упало на землю. Оказавшаяся рядом Катя выхватила из кармана перцовый баллончик и метко направила струю в лицо сталкера. Иван заорал, завертелся, отбросил Димку в сторону и начал тереть глаза, осыпая обидчиков отборным матом. Друзьям удалось не только дезориентировать его, но и не на шутку разозлить. И дураку было понятно, что, как только он проморгается от перцовки, церемониться с подростками не станет – прибьет.

– Бежим! – выразила общую мысль Аня.

Не успели они сделать и полусотни шагов, как сталкер практически наугад схватил с земли автомат и стал беспорядочно стрелять в их сторону короткими очередями, к счастью, никого не задев. Не на шутку перепугавшись, ребята бросились от просеки в лес. Димка отстал совершенно незаметно – в суматохе они даже не поняли, когда именно их осталось четверо. За это время ребята успели пробежать порядочное расстояние по высокой траве и бурелому, пару раз продрались через подлесок, обежать место, где явно дрожал воздух, и теперь пребывали в полной растерянности.

– Лена! – Катя схватила подругу за руку. – Быстро обратно, будем его искать. Вы двое бегите к железной дороге, встретимся там. Только аккуратно!

Ни Степан, ни Аня не попытались хоть как-то скорректировать этот расплывчатый план, лишь кивнули и побежали.

* * *

Аня никогда не отличалась хорошей физической подготовкой или должной выносливостью и даже стометровку в универе пробегала с трудом, пусть и всячески старалась не подавать вида. Ей всегда хотелось быть сильной, смелой и крепкой, как Катя, но Катя целенаправленно занималась спортом, а вот у Ани все как-то не получалось. Как говорится, то одно, то другое – вот уже и на себя времени не остается, какой там поход в спортзал? Да и зачем детям города, где есть все удобства, включая и комфортный транспорт, надрываться ради одной-единственной легкой пробежки, которой может и не случиться никогда в жизни? Но по закону подлости

последняя подсунет тебе именно то, к чему ты не готов, и произойдет это в самый неподходящий момент.

Аня выдохлась на первой же сотне метров, даже раньше. Одно дело сдавать норматив в спортзале или на ровной беговой дорожке, и совсем другое – бежать по дикой местности со всеми ее естественными препятствиями. Камни, ветки, бугорки вскопанной земли, казалось, возникали под ногами из ниоткуда, и ровный на первый взгляд травяной покров скрывал в себе ямки и острые сухие сучья, которые только и ждали, чтоб впиться в ногу неосторожного подростка. Аня бежала следом за другом – здоровый и тяжелый Степан как ледокол пер напролом, и все сучки, веточки и прочие мелочи громко хрустели у него под ногами. Ребята, пыхтя, поднялись на холм, приплюснутая вершина которого тянулась поперек их маршрута и терялась за дальними деревьями слева. Аня закашлялась: легкие жгло огнем, а в горле словно прошелся песчаный ураган. Если их не догонит этот ненормальный мужик, она умрет от обезвоживания, или от усталости, или от сердечного приступа... или, скорее, от всего сразу.

– Анька, не отставай!

Девушка выпрямилась и, преодолевая колющую боль в боку, поспешила догонять уже значительно удалившегося товарища.

По гребню холма бежать было проще: трава росла редко, словно ее вытоптали. Степан прикинул, что они, возможно, попали на тропу местных животных: волков или собак. Ане больше нравилась версия с оленями, однако спорить она не стала. От усталости у нее шумело в ушах и кружилась голова, и единственное, о чем она могла сейчас думать, так это об отдыхе: остановиться и присесть хоть на минутку, можно прямо на землю.

Вдалеке из-за деревьев показались серые крыши домов, и Степан, нетерпеливо махнув спутнице рукой, начал спускаться вниз. Аня немного ускорила, выжимая из себя последние силы, и почти нагнала его как раз на середине склона. Тут трава росла довольно странно: местами она прижималась к земле, словно причесанная, образуя ровные круги. Стебельки и листья лежали аккуратно, один к одному, слегка загибаясь по спирали, а в центре наоборот – растительность как будто тянуло вверх, и даже налетевший ветерок не заставил ее отклониться от вертикали. Это выглядело неправильно, неестественно, как в компьютерной игре, где окружение живет своей жизнью, а ветер – это просто фоновый звук. Но Аня чувствовала ветер! Вот же он: шевелит ее волосы, шелестит листвой в кустарнике неподалеку, только трава впереди на него не реагирует. И почему Степан этого не видит?

Аня набрала воздух в измученные бегом легкие, намереваясь позвать, предупредить друга – догнать его она все равно не успеет. Между ними еще оставалось каких-то метр-полтора, но сейчас это расстояние было просто катастрофически большим. Окликнуть парня она так и не смогла.

Степан взлетел вверх, словно его схватили за ноги, и неестественно выгнулся колесом, руки и ноги вывернуло и прижало к спине. Последнее, что увидела Аня, было его лицо: красное, перекошенное от боли и страха. А в следующую секунду его разорвало на куски.

Девушка застыла. Комок земли, на который она неудачно встала, выехал из-под подошвы, и, на миг потеряв равновесие, Аня плюхнулась в траву, даже не заметив этого. Все ее внимание поглотило место в паре метров от земли, где только что исчез ее друг. *Исчез. Он просто исчез.* Ее разум из последних сил блокировал образы, увиденные минутой ранее: глухой хлопок, красное пятно взрыва, мягкие шлепки падающих в траву бесформенных кусков, блестящая от влаги растительность вокруг и ее футболка со штанами сплошь в алых пятнышках. Их не блокируешь, не сотрешь. Степа никуда не исчез, не провалился – он взорвался, лопнул, как большой помидор; он по-прежнему здесь, только уже не живой и не целый.

Ощущение реальности происходящего навалилось на девушку как снежный ком, такое же леденяще-ужасное и отрезвляющее. В двух шагах от нее прозрачным облачком висела смерть, а чуть поодаль – еще и еще. Она повсюду: на земле, над землей, витает в воздухе,

крадется в тени, неподвижно ждет, спешит навстречу, стоит за спиной. Она всегда рядом, она ждет, когда ты забудешь о ней, поверишь в собственную неуязвимость, оступишься. И тогда ты услышишь ее голос.

Аня не помнила, сколько просидела в оцепенении, заворожено глядя на траву в центре круга, теперь слипшуюся, ставшую грязно-бурого цвета. Она тянулась вверх, точно руки, сложенные в молитве. Костлявые, окровавленные руки.

За холмом прозвучал выстрел.

Аня вздрогнула и пришла в себя. Опасность в лице сталкера не миновала и могла наступить в любой момент, а девушка теперь осталась одна. До недавнего времени она полагалась на друга, рассчитывая, что он знает, куда идти и что делать. Как оказалось, он знал не больше ее самой. Сперва Аня подумала вернуться, вдруг друзьям нужна помощь, ведь они разделились в спешке и не успели продумать план, но, с другой стороны, чем она поможет? Она даже Степана предупредить не смогла, а мысль о том, что ей придется сообщить остальным о его смерти, пугала не хуже встречи с разъяренным проводником. А что, если он уже схватил остальных или, того хуже, убил их? Тогда возвращаться нельзя ни в коем случае, к тому же она слышала выстрел. Впереди, за чахлыми деревьями, все так же маячили крыши. Надо добраться туда. Аня не особенно хорошо понимала зачем, но и сидеть на месте больше не могла. Если она задержится тут еще хоть сколько-нибудь, то сойдет с ума.

Девушка поднялась, вот только тело отказывалось слушаться: ее трясло и мутило, а уставшие мышцы требовали отдыха. К счастью, инстинкт самосохранения оказался сильнее: Аня не хотела умирать. Ей было страшно идти дальше, однако умереть здесь – еще страшнее, поэтому, собрав остатки самообладания, она встала и пошла вперед, стараясь держаться подальше от подозрительных участков пути, по крайней мере от тех, что казались таковыми. Иногда она подбирала камешки и бросала вперед. Один раз прямо перед ней воздух стало засасывать, и ее потянуло следом за волосами и футболку, но Аня вовремя отшатнулась назад, и аномалия съела ворох сухих листьев и мусора. Опасаясь, что наделала лишнего шума, девушка перешла на быстрый шаг, а последние метры до строений преодолела бегом.

Домики оказались очень старыми, деревянными и полуразрушенными; тем не менее Ане они представлялись спасением. Продравшись через бурьян, густо обступивший дома, и игнорируя колючие ветки, она забралась в самый дальний из них, в котором, по ее мнению, вряд ли стали бы искать. Протиснувшись в щель между обветшалой дверью и косяком и, прижавшись к шершавой стене, отползла в дальний угол, где, обессиленная, опустилась на пол. Девушка сжалась, обхватила голову руками и заплакала. Поначалу тихо, все еще помня, что ее могут услышать через дырявые стены, однако вскоре эмоции взяли верх, и она разрыдалась, дрожа и задыхаясь от слез. Перед глазами стоял Степа, живой и веселый, он обещал всем увлекательную экскурсию, интересное приключение, впечатления, драйв и позитив. Откуда ему было знать, что все так обернется? Что проводник окажется обманщиком и захочет их ограбить? Теперь же Степа мертв, и даже тела не осталось для похорон, и последнее, что Аня о нем запомнит, – это искаженное болью и страхом лицо. Что теперь будет с остальными? Справятся ли они со взрослым и опытным сталкером-проводником? Или они тоже разбежались и спрячутся, как Аня? Зачем они вообще разделились? Надо было всем вместе вернуться за Димой, группой ведь явно надежнее! И как они теперь найдут друг друга? Аня вроде бы помнила дорогу до холма и немного после, но остальной маршрут был словно в тумане: в одиночку она не найдет, как и откуда пришла. Еще и эти ужасные ловушки повсюду! Девушка была уверена, что есть еще множество других, не менее опасных. Все это место – одна большая ловушка! Ей никогда не найти выхода, а искать ее никто не станет, потому что никто не знает где. Даже если ее родители и родители друзей поднимут шум, все узнают, что ребята пришли сюда незаконно, и кто еще в итоге останется виноват? Слишком много вопросов, на которые нет ответа, о которых

стоило подумать заранее, до того, как они сели в машину к Ивану, до того, как согласились на Степкину авантюру. Теперь было поздно.

Аня заскулила и скорчилась на полу в новом приступе истерики. Как она могла струсить и бросить друзей? Почему убежала невеста куда, а не вернулась сразу, как услышала выстрел? Это мог быть тот сталкер, может, он стрелял в ее товарищей... Одни и те же мысли крутились в голове по кругу, перемешивались в кашу, вновь выстраивались в нелепой последовательности, и все начиналось сначала: безумный изнурительный круговорот. Аня забылась и не заметила, как буря в голове утихла, а слезы иссякли. Опустошенная морально и физически, она лежала на полу, вдыхая затхлую пыль заброшенного и давно мертвого жилища. Сколько прошло времени? Час? Два? Аня подняла голову и глянула на пустой прямоугольник окна: молочно-серое небо совсем не изменилось, словно времени не существовало вовсе. Глаза и лицо опухли от слез, а кожу покалывало и щипало. Моргая и жмурясь, как слепой котенок, девушка села, убрала с лица волосы и осмотрелась, но ничего примечательного не увидела: мусор в углах, деревянный пол, усыпанный листьями, обломки мебели. Взгляд зацепился за большой ящик в углу возле входа. Из него свисали тряпки, торчали сморщенные листы бумаги, пожелтевшие от сырости, несколько лоскутов валялось на полу среди листьев, незаметные и полусгнившие. С верхушки ящика, скрытый наполовину хламом, на Аню печально глядел запыленный кружок линзы противобаза. Девушке на миг почудилось, что это снятый с человеческого лица скальп, сгнивший и ссохшийся, и ее передернуло. Она отвернулась и, стараясь больше не смотреть в ту сторону, с усилием поднялась на ноги. Голова закружилась, но Аня оперлась на стену и устояла. Все так же, придерживаясь стены, девушка двинулась изучать обстановку вокруг. Пусть она и не представляла, как вести себя дальше, тем не менее сидеть на месте тоже не могла – бездействие только подогревало новый срыв.

Первые шаги дались с трудом, однако потом стало легче. Под ногами хрустнули стеклышки, зашуршала листва. Аня все еще боялась выходить наружу, потому решила пока что изучить дом. Узкий коридор, соединявший эту комнату со следующей, встретил пустотой и запахом плесени. Потолок в этом месте прогнил, и деревянные стены покрывал сырой черный налет с вкраплениями зеленого лишайника, который на таком фоне смотрелся особенно ярко. Чуть впереди из угла между стеной и потолком росло странное лохматое растение зелено-серого цвета, без листьев, похожее на пучок длинной пакли. Оно покрывало собой полосу от потолка и почти до пола, где редело и сходило на нет.

Аня, наученная горьким опытом, шла, стараясь держаться противоположной стены и не контактировать с этой подозрительной штукой. В следующей комнате было заметно светлее, и девушке это показалось хорошим знаком. Она прошла по мерзко скрипящим и прогибающимся доскам и вошла в светлое пятно на полу. Вторая комната тоже пустовала, однако в ней не пахло сыростью: свежий воздух свободно поступал через пролом на месте окна. Аня осторожно выглянула наружу. Тихо. Только высокий бурьян, затопивший собой двор, покачивался на ветру. Девушка вздохнула и потрогала лицо: вроде получше, но в остальном чувствовала себя неважно и списывала это на пережитый стресс. Светлая комната подарила светлую мысль: надо бы найти воду и умыться – дома это всегда помогало, к тому же ей страшно хотелось пить. Чистой будет вода или не очень, в подобной ситуации играло не самую важную роль.

Аня оглядела комнату еще раз, проверяя, не упустила ли чего важного, и пошла обратно через коридор к выходу. Она почти дошла до двери, как вдруг прогнившие доски не выдержали, и левая нога почти по колено провалилась под пол. Девушка потеряла равновесие, завалилась на бок и, размахивая руками в поисках опоры, угодила прямо в густые космы, покрывшие стену. Часть растительности осыпалась на пол, выпустив облако мелкой пыли, которое Аня своим падением только разогнала. Она в панике освободила ногу, отползла подальше, стряхивая с руки тонкие стебельки растения, и почти сразу ощутила, как кожу начало жечь, словно та пребывала в кипятке. Аня закашлялась. Едкая пыль разлетелась повсюду, лезла в нос и глаза,

вдыхалась с воздухом. Девушка вскочила, отвернулась от злополучного коридора, схватила с кучи хлама противогаз, валяющийся рядом фильтр и выскочила за дверь.

Снаружи пыли не было, лишь множество сорняков выше Аниного роста. Кто знает, какое из этих растений – просто растение, а какое выстрелит в нее ядом. Девушка прокашлялась, торопливо прикрутила к маске фильтр и натянула ее на голову. Мир сузился до двух круглых окошек, зато теперь было не так страшно надыхаться еще какой-нибудь едкой гадостью. Впрочем, другую проблему противогаз не решил: лицо под ним все еще жгло, как будто оно обгорело на солнце. «Это все от той пыли, – решила Аня. – Надо обязательно найти воду и умыться, сразу станет лучше. Все пройдет».

Она осторожно пробралась в другой дом неподалеку. Входная дверь отсутствовала, но и подозрительного мха внутри тоже не оказалось, как и воды. Уже на подходе к третьему дому сквозь стекла маски Аня заметила, как пугающе покраснела поврежденная рука, кожа на ней покрылась крупными волдырями. Аня вошла в дом, едва контролируя новый приступ паники, уже заранее понимая, что ничего полезного там не найдет. Ей снова стало страшно, воздух как будто нагрелся, кожа покрылась испариной, футболка и штаны липли к телу, а в противогазе стало душно. «Это все от страха».

Аня зашла в следующую комнату и на минуту отвлеклась от собственных ощущений: прямо по центру до самого потолка высилась гора всевозможного бытового хлама: мебель, кухонная утварь, фрагменты одежды, покореженная арматура, доски. Все это укладывалось в неуловимой глазу последовательности и протыкало ветхий потолок кривым шпилем металлического прута, венчавшего причудливую конструкцию. Кому могло прийти в голову соорудить подобное, да еще и в таком месте? И для чего?

На мгновение девушке показалось, что на нее кто-то смотрит – но ведь комната и весь дом пусты! Она протерла запотевшие стекла, дабы убедиться наверняка, однако ничего не изменилось: она видела будто сквозь мыльную воду. Возможно, стекло запотело изнутри? Аня сглотнула соленую слюну и с ужасом поняла, что узнает этот вкус. Кровь. Металлический привкус чувствовался во рту и на губах, стекал теплом по лицу. В горле защекотало, вынудив девушку сдавленно кашлянуть, и рот моментально наполнился горячим жидким железом. Вспомнилась страшная фраза: внутреннее кровотечение. Мелькнула и тут же пропала, смытая потоком других мыслей, еще более пугающих.

Радиация. Нельзя ничего брать. Заражено... Пыль. Оседает в пыли, в вещах. Надыхалась... как же трудно дышать!

Аня попыталась вдохнуть, однако легкие как будто залило водой: внутри хрипело и хлюпало, хотелось кашлять, но глотать собственную кровь уже не было сил.

Надо снять. Снять этот гадкий противогаз!

Девушка схватилась за голову, ища край резиновой маски, вот только онемевшие пальцы не слушались, и ей не удавалось даже поддеть или зацепиться хоть за что-нибудь. Вонючая резина прилипла к влажной коже, заключив лицо в ужасную душную ловушку.

Дура. Какая же дура! Зачем надела? Он же тоже заражен, лежал тут, в пыли, сколько в нем всякой гадости теперь...

Аня в панике ударилась спиной о стену, от сильного головокружения качнулась вперед и уперлась в странную конструкцию. Она почти ничего не видела, лишь из последних сил пыталась стянуть злосчастный противогаз и не оставляла попыток, даже когда упала на пол, корчась от боли во всем теле и нехватки воздуха. Только когда силы окончательно покинули ее и все ощущения стали постепенно затухать, словно маленькие огоньки, поглощаемые темнотой, Аня поняла, что ей не спастись. Она превратилась в комочек мыслей, запертый в умирающем теле. Крохотный комочек, но еще живой.

Как же так? Чем заслужила такую смерть? И так рано... это так неправильно, так обидно...

Наша Анюта снова влезла в неприятности?

Нежный и ласковый голос Аня узнала сразу – нельзя не узнать голос человека, которого знаешь с самого рождения, и плевать, откуда он возник в ее мыслях, пусть это предсмертная галлюцинация, порожденная агонизирующим мозгом, главное, она умрет, не чувствуя одиночества и страха. Главное, рядом кто-то есть, пускай и ненастоящий.

– Наша Анюта снова влезла в неприятности, – вздыхала мама, когда маленькая девочка приходила домой со сбитыми коленками, шишкой на лбу или колючками в волосах. Неприятности мама отмывала, вычесывала и смазывала зеленкой, после чего отпускала дочь за новыми. Она никогда ее не ругала, не давала ремня, а только грустно вздыхала и качала головой. Аня очень любила мать и старалась не давать ей повода для грусти: перестала искать приключения, хорошо училась, поступила в вуз... поэтому девушка совсем не удивилась, услышав мамин голос среди собственных мыслей в последние минуты жизни.

Мама! Мама, я умираю. Я не хочу... Я не хочу умирать!

Глупости, зайка. Никто не умирает.

В это так хотелось поверить! Мамин голос внушал спокойствие. И Аня почти поверила.

Ты просто очень устала. Весь день на ногах, столько пережила... Бедный, напуганный ребенок.

Девушка, убаюканная приятным и родным голосом, больше не чувствовала ни боли, ни страха: только покой.

Отдохни, моя девочка. Спи. Во сне все проходит...

Аня утонула в густой бархатистой темноте.

Глава 2

Яркий солнечный свет мерцал и дразнил даже через сомкнутые веки. Особенно через сомкнутые веки: назойливо и даже немного раздражающе. Лучик, вероятнее всего, пробившийся через щель в занавеске, маленьким блестящим крючком проник в дремлющее в темноте сознание, зацепился за него, поддел один раз, скользнул мимо, поддел еще и медленно, но настойчиво поволок на поверхность, к свету. Аня вяло зашевелилась, понимая, что скоро придется проснуться, открыть глаза, идти приводить себя в порядок, а потом все утро выслушивать недовольство отца об их с друзьями выходке. Разумеется, он уже примчался из командировки первым же рейсом, как только узнал, где нашли его дочь. Отчетливо слышно, как он шагает по старому линолеуму на кухне (он всегда так ходит, когда нервничает) и тихо переговаривается с мамой. Вот уж отличный повод, чтобы приехать, не то что Анины дни рождения или выпускной... Но с другой стороны, Аня спаслась, она дома, а значит, выжила и даже не попала в больницу, а самое главное, это значит, что все пережитые ужасы – всего лишь сон! Ей приснился кошмар, страшный и реалистичный, но теперь он закончился! Как же здорово!

Мысленно улыбаясь, Аня потянулась и вдохнула запах резины, одновременно ощутив плечом и ребрами грубые доски пола, а в следующую секунду проснулась окончательно. Она лежала там же, на полу в заброшенном доме, под кучей хлама, в большой бесконечной ловушке с коротким названием – Зона. Одна, без друзей, в одежде, забрызганной кровью товарища, а теперь еще и с нелепым противогазом на голове. Свет, который девушка приняла за утренние лучи, разбудившие ее, оказался слабым свечением бледного пятна, ненадолго проступившего сквозь облака, а шаги воображаемого отца отстукивал тонкий кусок рамы в хлопьях облупившейся краски, повисший на единственном ржавом гвозде в углу окна. Его раскачивал ветер, тот же, что тряс сухие листья сорняков снаружи, чей шелест отдаленно напоминал тихие голоса. Вот она, настоящая реальность, все такая же равнодушная, серая и холодная.

И все же что-то изменилось. Аня по-прежнему была жива! Она дышала, не без дискомфорта, но ее легкие работали, органы получали кислород, она больше не задыхалась, не кашляла. Вкус крови пропал, появились запахи, разные запахи, не только вонь противогаза, но и многие другие: пересушенное дерево досок, уличная пыль, сухие листья, гнилые листья, влажные терпкие листья, земля, сырой мох, шерсть. Столько ароматов: сильных, слабых, едва ощутимых! Она была напугана и не замечала их раньше, да и кто станет замечать какие-то запахи, когда жизнь висит на волоске, а сам ты ничего не соображаешь от страха?

Аня села, с удивлением отметив, что головокружения нет, ничего не болит, нет тошноты, только легкая сонливость, какая бывает сразу после пробуждения. Поврежденная ядовитым растением рука вновь обрела прежнюю чувствительность, хотя шевелить ею было еще неприятно; тем не менее воспаление прошло, а волдыри сдулись и покрылись подсохшими струпами. Возможно, это такой эффект от растения: острый и болезненный, но недолгий?

Несмотря на столь позитивные новости, Аня сомневалась: а все ли так хорошо, как кажется? Еще со школьных времен она помнила уроки по ОБЖ, где им рассказывали о симптомах лучевой болезни. А в том, что недавно она пережила именно их, девушка была уверена на все сто. Не нужно таскать с собой счетчик, чтобы понимать, какой уровень радиации накопили в себе все эти вещи, пыль и мусор, да и сами дома. Аня же сперва надышалась пылью, потом влезла в едкий мох, поддавшись панике, напаялила противогаз, лежавший тут не иначе как с самой аварии (какая глупость!), а теперь вот проспала в доме, рядом с кучей хлама, черт знает сколько времени. Оно ведь фонит еще как, ну точно!

Ане снова стало не по себе, сердце забилось быстрее, кожа пошла мурашками, кажется, ее замутило... Но нет, это удары сердца раздражают пищевод и желудок, а гусиная кожа – от сквознячка из дыры в окне. Два глубоких вдоха – и признаки испуга стали почти незаметны.

Аня даже немного удивилась: несколько часов назад она сходила с ума, а сейчас в голове наступил непривычный штиль, словно за прошедшее время она исчерпала все свои запасы страха, и теперь в ее страхохранилищах гуляет ветер. Разумеется, девушка не разучилась бояться, вот только это чувство как будто отошло на задний план, доказав свою бесполезность.

Памятуя все тот же школьный курс, Аня предполагала, что чудесное улучшение ее самочувствия, скорее всего, временное, ведь при лучевой болезни всегда наступает период мнимого выздоровления, своего рода маленькая передышка продолжительностью от нескольких часов до дней, прежде чем начнется настоящий кошмар. Аня видела все подробности в фильме, который ее классу крутили на том же уроке. Еще тогда, под впечатлением от увиденного, девушка передумала поступать на врача и выбрала более безопасную, по ее мнению, профессию учителя. Нынешние же обстоятельства намекали, что где-то она ошиблась.

Сколько у нее времени? Поразмыслив, Аня решила, что сутки ее организм продержится. Возможно. Отключилась она во второй половине дня, скорее всего уже вечером, а сейчас вроде бы утро, хотя точно сказать сложно: солнечное пятно заволокло тучами. Выходит, спала она вечер, ночь и часть утра. Допустим, время до вечера у нее есть, а может, даже следующий день. Что можно успеть за сутки? Попытаться выбраться отсюда? Аня не пройдет и половины пути, а если учесть, что дорогу она не помнила, то до границы ей не добраться и за неделю. Ориентироваться по солнцу она не умела – это смогла бы Катя, а Аня даже с компасом в трех соснах заблудится. Тогда что ей остается? Какой смысл пытаться выживать, если в скором времени придет смерть, да еще какая. Мучения, что Аня пережила несколькими часами ранее, покажутся ей цветочками, когда боль вернется с новой силой и все ее тело оплавится и будет заживо гнить и разваливаться, как нагретый воск. Тогда уж лучше умереть сразу, быстро, пока еще можно сделать это не так мучительно... Аня даже улыбнулась от абсурдности собственных размышлений. Самоубийство? Она? Даже если Аня и решилась бы на такое, то как? Повеситься – где она возьмет хорошую веревку в этих условиях, тут же все давно сгнило, а ее штаны и футболка не слишком годятся для таких целей. Надежного и смертельного яда у нее нет. Можно, конечно, порезать вены – битого стекла хоть отбавляй, но... Аня прекрасно понимала: она слишком любит жизнь, чтобы так просто и легко принять смерть, подарить ее самой себе. Нет, не здесь и не так. У нее еще есть немного времени и последний вариант: попытаться найти кого-то здесь, в Зоне. Их лже-проводник явно не единственный в своей профессии ходок за периметр, есть и другие... сталкеры (кажется, так называют этих людей), среди которых найдется кто-то, кто сможет и согласится ей помочь – довести до границы, например.

Все выглядело логично: она заблудилась, потерялась в незнакомом месте, попала в беду, значит, нужно найти кого-то из местных и попросить помощи. Да, детали ситуации не совсем стандартные, но в остальном-то суть не меняется. Только вот где их искать? Судя по виду Ивана, люди его рода деятельности постоянно перемещаются и не бывают подолгу на одном месте, к тому же они носят оружие и, вероятнее всего, пользуются им без зазрения совести. И с какой стати суровому, отрешенному от остального мира и отказавшемуся от благ цивилизации человеку с оружием помогать какой-то потерявшейся девочке, которая без одного дня труп? Да тут уж проще пустить ей пулю в голову и не заморачиваться. Так, наверно, тут и живут – не заморачиваясь над смертью, жизнью, опасностями, завтрашним днем. Проснулся живой – и слава богу! Пойду-ка ограблю пару студентов.

Однако, невзирая на всю свою сомнительность, текущий план смотрелся куда более привлекательно, чем предыдущий, и Аня решила остановиться на нем.

Девушка окончательно пришла в себя и, прежде чем куда-либо двигаться, взялась стаскивать теперь уже бесполезный противогаз. Казалось бы, сейчас с ним не должно было возникнуть проблем: слабость ушла, руки работали исправно. Несмотря на это, поддеть резинку получалось только там, где между ней и кожей были волосы, далее она как будто присохла. Аня стянула часть с головы, но как только дело дошло до лица, кожа натянулась, резко заболела, ее

защипало. Сцепив зубы, девушка надела резиновую маску обратно и минуту спустя повторила попытку. С тем же результатом. Неудача одновременно злила и пугала, противогаз ужасно раздражал, а то, каким мистическим образом он не хотел отлипнуть от ее лица, приводило девушку в замешательство, что влекло за собой новый приступ паники (а она только начала о ней забывать). Чертовщина какая-то! В памяти вдруг всплыл фрагмент из старой сказки, которую Аня читала еще в далеком детстве, про то, как мужик надел на себя шкуру какого-то животного, а она потом приросла к нему навсегда. Тогда сказка казалась забавной, но сейчас от детского воспоминания веяло пугающим реализмом.

Аня зажмурилась и замотала головой. Ну что за ерунда? Как ей могла прийти в голову такая чушь? Резина не может прирасти к телу. Ее лицо обожгло ядовитым мхом, оно воспалилось, пошло волдырями, как на руке, потом она противогаз сверху надела, создала парник, кожа взопрела, а пока Аня спала, это все начало засыхать и слиплось. Вон, на руке та же картина, с той лишь разницей, что на ней ничего не надето. Подумать только, как может напугать собственное разыгравшееся воображение! Девушка понемногу успокоилась. С подобным она уже сталкивалась: как-то по пути в школу Аня упала и поранила колено, но не стала ничего предпринимать, а так и ходила до вечера, благо под колготками было незаметно, зато дома оказалось, что ссадина подсохла, и ткань пристала к корке так, что пришлось отмачивать перекисью и потихоньку отрывать. Тут перекиси нет, но сойдет и обычная вода. Она размочит раны и аккуратно снимет резину. Нужно только найти воду.

Аня встала, осторожно потянулась – организм не протестовал, – открутила тяжелый и бесполезный фильтр, сделав противогаз значительно более легким, и положила рядом со странной кучей хлама. Тут ему и место. Затем прислушалась и, убедившись, что вокруг по-прежнему тихо, бесшумно направилась к выходу.

Окружающий мир встретил Аню низким серым небом, прохладой сырого воздуха и стеной сорняков выше ее роста. Быстро сообразив, что продираться через густые заросли – дело слишком энергозатратное, она присела на корточки и полезла почти на четвереньках, стараясь не касаться коленями влажной земли и используя голову в противогазе как своего рода таран. Должен же он приносить хоть какую-то пользу, а так Аня хотя бы глаза себе не выколет.

Внезапно заросли кончились, сменившись длинной поляной, сплошь засыпанной прошлогодней бурой листвой и редкими высохшими стеблями растений. Местами листва лежала пятнами, сбита ветром в небольшие углубления и примятая давно стаявшим снегом, вокруг рябила старая трава, свалявшаяся и пыльная, как шерсть бездомной собаки. И повсюду сквозь мертвое старое пробивалось зеленое и живое новое. Весна чувствовалась даже здесь, в пасмурном мире, пусть и не такая буйная и дерзкая, как снаружи. В Зоне она действовала будто партизан, осторожно, не привлекая к себе лишнего внимания: пучок травы тут, несколько листьев там, глядишь, а вот уже и деревья зеленые стоят, и сорняк свежий заколосился...

Аня вышла на открытую местность, стряхивая с себя мелкие листья и паутину, отодрала несколько репьев, приставших к одежде и волосам, осмотрелась. Поляна уходила длинной полосой ей за спину, теряясь в сосняке, и такой же полосой шла далеко вперед, обрамленная с обеих сторон дикой растительностью и невысокими деревьями, сквозь ветви которых кое-где угадывались покосившиеся темные крыши в пятнах зеленого мха. И тут Аню осенило. Догадка оказалась настолько очевидной, что девушке даже стало немного стыдно. Ну какая же это поляна? Это дорога! Аня пришла в заброшенную деревню, зашла со стороны дворов и поэтому разглядела только три ближайших дома; теперь же она вышла на главную улицу или то, что ею было много лет назад. Как же здесь все заросло! А ведь когда-то эта деревня была живой: в ней жили и работали люди, вот по этой широкой улице наверняка бегали дети, гоняли мяч, взрослые ходили или ездили на работу, скорее всего, на поля где-то неподалеку, их возила большая машина с кузовом, колхозная – Аня видела в старых фильмах. Люди в машине смеялись, следом летела пыль, бежала, заливаясь звонким лаем, дворовая собака, а хвост у

нее был пушистый и закручен в тугой бублик. Кто-то ее окликнет, и она отстанет от машины, забежит во двор. Солнце яркое, весеннее, теплое, яблони в белых цветах, гудят пчелы, окна сияют чистотой, свежавыкрашенными рамами, стены крепкие – еще не один год простоят, не одно поколение в них вырастет, в тепле, сытости, уюте...

Прохладный ветерок робко коснулся кожи; от этого внезапного касания Аня вздрогнула. Видение из прошлого померкло, растаяло, расплылось, словно выцветший кадр киноплёнки. Аня, как прежде, стояла под серым пологом облаков в сырой, давно покинутой мертвой деревне, прямо по центру улицы, с зажатым в ладони колючим шариком чертополоха. Колючки мягко, почти нежно царапали пальцы. Легонько покалывало в груди. Девушка ясно ощутила тягучую тоску и то, как сильно ей хочется домой, к солнцу, к живым, нормальным людям. Аня разжала ладонь, и цепкая головка неслышно упала в листву.

Мой дом не здесь. Надо идти дальше. Найти воду. Снять противогаз.

Держа эти мысли как основополагающие, Аня начала свой путь.

* * *

Деревня занимала не слишком большой участок, а улица, вдоль которой следовала Аня, являлась центральной и единственной, во всяком случае, ничего похожего на более узкие ответвления она не заметила. Если они и были когда-то, то уже давным-давно заросли. Девушка продвигалась не торопясь, стараясь не шуметь лишний раз, и инстинктивно держалась правой стороны, где сорняки, по ее мнению, выглядели более приветливо. Местами дорогу перекрывали стволы упавших деревьев. Особых проблем они не создавали: Аня легко перешагивала или перелезала через них. Древесина, все еще покрытая толстой корой и пушистым мхом, сделалась мягкой и рыхлой – прогибалась и пружинила под ногами. Изредка девушка примечала комочки уже знакомого ей волосатого мха и предусмотрительно соблюдала дистанцию. В остальном деревня оставалась довольно тихой и безжизненной. Изредка Аня слышала звуки, похожие на пение птиц, вроде бы она даже слышала подобные раньше, но опознать их так и не смогла. Иногда ее отвлекали шорохи в траве и прямо под ногами: это выпрыгивали мелкие коричневые, в цвет опалой листвы, лягушки. Пару раз Аня замечала мышей.

Пройдя еще немного, девушка услышала отдаленное кваканье. Лягушки, встретившиеся ей ранее, скакали посуху и молчали, а значит, эти квакуны – в воде. Еще с детства Аня запомнила, что любой естественный водоем обязательно звучит лягушачьими голосами. Звуки доносились из-за домов справа, и девушка принялась высматривать наименее заросший участок, который мог бы сойти за тропинку. Таковой нашелся через пару метров, где два соседних дома стояли поодаль друг от друга, а за тонким кустарником двумя стройными, пусть и весьма поредевшими шеренгами в небо тянулось несколько высоких сосен. Несложно было догадаться, что их высадили намеренно еще во времена расцвета деревни, и по этому светлому и ароматному хвойному коридору местные ходили купаться в жару. Ныне тропинку заняли редкая растительность и толстый ковер рыжей хвои – он не давал сорнякам слишком уж буянить и словно хранил дорожку в надежде, что когда-то сюда вернуться люди, и все станет как прежде.

Аня преодолела редкий кустарник и вошла под сосновый полог. Деревья выглядели старыми и больными, с сочащимися бледной смолой стволами, приближаться к которым интуитивно не хотелось. Одно дерево разломило на щепки угнездившейся прямо в стволе аномалией: воздух волнообразно плыл, очерчивая ее округлые границы, от чего аномалия казалась похожей на прозрачный бесцветный шарик в обрамлении длинных щеп-лепестков. Аня видела ее так ясно и четко, что удивилась, как Степан мог не заметить подобную там, на холме? Или, может, это другая аномалия, более заметная?..

Девушка прошла мимо, чувствуя, как непривычно густой воздух жадно скользит по коже, тянется к волосам, пытается ухватить, но тщетно: Аня слишком далеко, и это ощущение словно

нарисовало четкую границу, по краю которой она шла, не боясь попасть в смертельную мясорубку.

Несколько других сосен лежали впереди поваленные, но без признаков аномалий, а в остальном путь был безопасен, и довольно скоро впереди показалась водная гладь.

Аня пролезла меж тонких, но длинных веток кустарника, заплотившего берег до самой воды, и оказалась у края небольшого лесного озера. С громким плеском прыгнуло несколько испуганных лягушек: здесь их голоса звучали отовсюду. Земноводные плевать хотели на аномалии и радиацию – у них была весна и инстинкты, заложенные с незапамятных времен.

Девушка присела у воды на извилистые корни, за которыми едва виднелась плотно сбитая земля, и посмотрела вниз. На мгновение она испугалась, увидев в отражении черную маску с круглыми стеклами вместо глаз, – со стороны она выглядела жутко, – но быстро переключила внимание на саму воду. У берега, под корнями, сразу начиналась глубина, на вид небольшая, возможно, по колено или чуть выше, однако до дна, казалось, можно было дотянуться рукой – настолько прозрачной была вода! Аня осторожно опустила руку и тут же отдернула – ледяная! От озера тянуло прохладой, пахло водорослями и немного рыбой, а вода оказалась самой обычной, без каких-либо подозрительных свойств. Аня уселась поудобнее, зачерпнула немного из озера, сложив ладонь ковшиком, и поняла, что намочить стыки кожи и маски противогаса будет не так-то просто. Вода скатывалась обратно, почти не задерживаясь там, где нужно, – так можно и до ночи плескаться. Девушка принялась обшаривать карманы в поисках хоть чего-нибудь полезного – как нестати она оставила там, на просеке, сумку с вещами! Ее содержимое было не богатым, но всяко лучше, чем сидеть сейчас с пустыми руками. Аня наткнулась на горсть мелочи в одном из карманов и, внезапно, на свой студенческий билет. Девушка не смогла сдержать смех: эта находка выглядела настолько глупо и иронично, что тут можно было только похихикать, ну или поплакать. Смех получился приглушенным и хриплым, сбился на кашель. Какой толк от этих монеток тут, в глуши? А студенческий? Как он вообще тут оказался? Ну конечно! Мелочь. Девушка оплачивала проезд по дороге на тот самый вокзал, а по билету студентам делают скидку, вот она и не стала копаться в сумке, чтобы положить его обратно, а просто сунула билет в карман вместе со сдачей и забыла. Аня повертела в руках пластиковую карточку: с ламинированной фотографии на нее смотрела милая зеленоглазая девушка в синей блузке, взгляд полон надежд, планов и ожиданий... Чем теперь полнится ее взгляд? Чьи глаза смотрят сквозь стекло черной маски? Аня не хотела сравнивать. Аня не хотела знать. Снова смотреть на отражение в воде? Нет уж, спасибо. Когда она умрет, пусть ее запомнят такой, как на фото. Когда ее не станет, по этой карточке опознают искалеченный труп с противогасом вместо лица, ведь после того, как лучевая болезнь доест ее тело, опознавать будет уже нечего. Наверное. Так что в этом кусочке пластика есть смысл. Его нужно сохранить.

Аня спрятала студенческий поглубже в карман штанов, постаравшись вместе с этим отбросить и мысли о своей смерти.

В другом кармане обнаружилась смятая бумажная салфетка. Вот оно! То, что нужно. Девушка аккуратно расправила ее и сложила ровным квадратом в несколько раз, окунула в холодную воду и приложила разбухший комочек бумаги к сухой коже. Так дело пошло гораздо лучше: намокшие участки пощипывало, но ледяная вода притупляла боль, а резина стала понемногу отлипать.

Аня начала с наиболее удобной части лица – с подбородка, решив постепенно продвигаться выше, чтобы потом, когда она станет стягивать противогас с головы, он не повредил лицо еще больше, чем уже есть. У нее получалось довольно неплохо: маска отстала по краям, за них уже можно было ухватиться пальцами, вот только далее противогас сужался и плотно присох к подбородку и щекам. Аня попыталась залить туда воду, но поняла, что рискует отморозить себе лицо. Если бы у нее были ножницы или нож – надрезать края маски и снимать их по частям... точно! Стекло! В заброшенных домах полно осколков стекла, которые острее

любых ножниц. Догадайся Аня раньше – взяла бы несколько по пути сюда, а теперь нужно возвращаться. Ничего, деревня совсем близко, она быстро сбегает.

Путь в обратную сторону и правда занял гораздо меньше времени: девушка знала дорогу, шла быстро, а проходя мимо аномалии, даже не глянула на нее. В деревне она не стала отходить далеко и сразу свернула во двор ближайшего дома, перешагнула стгнившие дочерна доски упавшего забора и насторожилась. Дом выглядел обычно для деревянной заброшки: ветхие стены в остатках облупившейся когда-то синей краски, заросший и засыпанный листвой двор, окна без стекол, никаких посторонних звуков... Аню насторожило другое. От дома шел странный запах. На расстоянии он не ощущался, зато вблизи был различим достаточно хорошо и не вызывал приятных ассоциаций. Впрочем, страха девушка не чувствовала, как и чьего-то постороннего присутствия, поэтому решила поддаться любопытству и заглянуть хотя бы в окно. Она обошла дом вдоль стены до дальнего угла, откуда странный запах доносился особенно четко, и осторожно подкралась к окну. Прислушалась – тишина. Аня зацепилась за раму, аккуратно, дабы не порезаться о торчащие по углам осколки, подтянулась, узкая досочка завалинки натужно скрипнула, но выдержала ее вес. Девушка заглянула внутрь и замерла со смесью удивления, замешательства и легкого испуга.

Этот дом не так сильно разграбили, как первые три: в комнате, в которую сунула нос Аня, виднелись остатки мебели, ободранные обои на стенах. У стены справа, совсем рядом с окном, стоял железный каркас от кровати, весь в ржавчине, а на нем, свесив ноги на пол, лежал труп. Когда Аня наклонила голову и присмотрелась, поняла, что немного ошиблась: тело лежало здесь давно и успело полностью истлеть и усохнуть. О том, что когда-то это был человек, говорила обувь и одежда, похожая на военную, грязная и рваная. Голова в поле зрения не попадала, а может, и вовсе отсутствовала, зато Аня заметила пистолет, зажатый в костлявой руке. Оружие давно пришло в негодность, но мертвец по-прежнему не хотел с ним расставаться. У стены напротив окна лежало еще что-то: большое, бесформенное, обтянутое мохнатой кожей, как мешком. Вокруг на полу расплылось темное пятно – следы разложения и деятельности местных трупоедов.

Содержимое комнаты являлось источником того странного запаха, насторожившего Аню. Теперь она узнала в нем застаревший запах разложения. Еще день назад она бы и не подумала искать, чем это так воняет, а услышав подобную вонь, испытала бы рвотные позывы. Сейчас же она не чувствовала ни отвращения, ни даже тошноты. Это было странно, но в большей степени хорошо: девушка могла спокойно соображать, не отвлекаясь на ненужные реакции. Она списала это на эффект от пережитого стресса и решила больше не забивать себе голову.

Аня осторожно вынула из рамы длинный осколок, достаточно острый на вид, спустилась на землю и, все еще обдумывая увиденное, поспешила назад.

Уже на подходе к озеру девушка удивилась еще раз: она внезапно захотела есть.

* * *

За то время, пока Аня ходила до деревни и обратно, кожа на лице успела снова подсохнуть и, прежде чем опробовать стекло, ей пришлось несколько минут повозиться с салфеткой. Фоном она обдумывала увиденное в доме. Останки на кровати не вызвали сомнений: это был человек, возможно, один из сталкеров или солдат, что стоят по всему периметру на своих КПП. Хотя что тут забыл военный? Решил дезертировать? Жизнь в армии оказалась настолько плоха, что он предпочел сбежать в Зону? Вот уж вряд ли солдат догадывался, какой исход ему уготован. Но куда больше вопросов вызывала та бесформенная мохнатая куча на полу. Чем или кем оно было при жизни? Слишком велико для собаки, но и с человеком мало общего; впрочем, Ане показалось, что она видела нечто похожее на длинные узловатые пальцы среди комков шерсти, а может, это ее воображение дорисовало. В любом случае, с живым аналогом

девушка предпочла бы не встречаться. Нужно быть осторожнее, ведь если это существо тут сдохло, значит, и обитало неподалеку, а свято место пусто не бывает – вокруг могут водиться его сородичи. Мысли о мутантах, реальных живых мутантах пугали больше, чем радиация: во-первых, радиация невидима, и пока Аня чувствовала себя нормально, потому беспокойство о ней отошло на второй план, во-вторых, мутанты видимы, и девушка была готова поспорить на свой студняк, что в доме лежат останки одного из них, а выходит, столкнуться с диким зверем она может гораздо раньше, чем ее добьет лучевая болезнь.

Аня замерла на пару минут, прислушиваясь к звукам вокруг. Беззаботно квакали лягушки, попискивала в камышах какая-то незаметная птица, тихо шуршали о берег волны. Идиллия. Пусть оно так и будет на самом деле.

Подергав края маски, Аня поняла, что пора браться за стекло. Отгибая резину понемногу, по миллиметру, она надрезала ее плавными и аккуратными движениями, стараясь не порезать при этом руки и само лицо. Маска медленно и нехотя отставала, оставляя с внутренней стороны прилипшие струпья и кусочки обожженной кожи. Аня успешно отрезала большой лоскут справа от края челюсти до подбородка и оборвала его у самого клапана. Свежий прохладный воздух озера хлынул под маску, и девушка с наслаждением вдохнула. Этот глоток прибавил ей сил и поднял настроение – не стоит останавливаться. Следующим она освободила подбородок: узкий кусок резины скользил и крошился, царапал и без того саднящую кожу, но в конечном итоге плюхнулся в воду. Аня пошевелила губами: они болели, пересохли и потрескались, но оставались целы, и к ним резина не пристала. Довольно легко удалось очистить уши: там противогаз почти не касался их из-за волос, но ими можно было заняться позже – слуху это не повредит.

Аня ненадолго прервалась – руки ощутимо устали от одной и той же монотонной нагрузки, спина и плечи ныли. Бледное пятно в облаках висело над головой и немного клонилось к горизонту. Стоит поторопиться, а то скоро вечер, а она еще даже из деревни не вышла. Девушка вновь подняла стекло и взялась за самую неудобную сторону слева. Она спешила и уже почти закончила, как вдруг кусок стекла треснул, рука дернулась, и осколок полосонул ее по щеке. Аня испуганно ахнула и выронила стекло, но тут же спохватилась и прижала свежую рану салфеткой. Та почти сразу пропиталась кровью, несколько капель протекло на руку и подбородок.

Да что же это такое? Сначала ожоги, потом этот противогаз, а теперь еще и рана! Судя по кровотечению, порезалась она глубоко. В голове пронеслись неприятные мысли про инфекцию, заражение крови, опасные бактерии: это все могло находиться в озере, водой из которого она отмачивала маску, и теперь вот зажимает рану салфеткой, мокрой от той же воды. Впрочем, за последние сутки Аня увидела столько потенциальных возможностей отправиться на тот свет, что перспектива заразиться чем-то из озера казалась очередным заурядным событием из сотни возможных других. Плакать, паниковать и сокрушаться у нее даже в мыслях не было, поэтому девушка просто сидела, глядя в воду, рассматривала усыпанное лесным мусором дно и ждала, когда остановится кровь.

Сквозь толщу воды на нее смотрела большая кирпично-коричневая жаба. Земноводное засело у дна, среди затонувших листьев и веток, растопырив конечности, покрытые толстой бугристой кожей под стать ее среде обитания, и тарщило на девушку большие круглые глаза насыщенно-оранжевого цвета с почти перламутровой текстурой радужки. Аня не смогла вспомнить, видела ли подобное животное раньше. Может, просто никогда не обращала внимания? Жаль, что она крайне мало изучала биологию – сейчас эти знания ей бы очень пригодились. Тем временем жаба неспешно закопалась под листья, оставив после себя лишь маленькое облачко ила.

Аня отняла салфетку от лица и, убедившись, что кровь больше не хлещет, облегченно выдохнула. Она осторожно потрогала вокруг раны – больно. Порез пришелся на угол нижней

челюсти, ближе к подбородку – очень неприятное место. Салфетка совсем раскисла от крови и воды и пришла в негодность, а значит, продолжить работы над противогоазом придется позже, когда Аня найдет ей замену. Но слева еще оставался наполовину отрезанный лоскут резины, и оставлять его девушка не собиралась. Действуя чуть ли не с хирургической точностью, она оттяпала и этот кусок оставшимся обломком стекла, ухитрившись больше не задеть себя и не потревожить уже полученную рану. Теперь ее рот и частично нос были свободны и, хотя кольцо клапана она так и не смогла убрать, даже такой половинчатый результат вселял надежду: по крайней мере, от истощения она не умрет. Если, конечно, найдет еду – недавно проснувшийся голод никуда не делся, а вот где искать пропитание в этих условиях, Аня понятия не имела. Еще одна проблема до кучи, а ведь самая главная неприятность еще даже не началась.

* * *

Дальнейший путь, по Аниному плану, лежал через деревню и куда-то вперед. Куда именно, она пока не знала. Сориентировалась она приблизительно, по солнцу: там, где оно взошло утром, – восток, там, куда опускается сейчас, – запад. Увы, но с горем пополам определенные направления ей мало о чем говорили: перед путешествием никто из компании даже не подумал посмотреть карту местности – все положились на проводника, не предполагая, что приключение может обернуться бедой. С Аней же сработал стандартный стадный инстинкт: иду не одна, значит, все в порядке, кто-то да разберется. Действительно, это же просто экскурсия, а не зачет по ориентированию на местности. Ей и в голову не приходило как-либо серьезно подготовиться. Зато теперь девушка сполна ощущала недостаток знаний в естественных науках.

Отойдя от берега, Аня поняла, что не слишком горит желанием возвращаться в ту же деревню: трупы в одном из домов этому не способствовали. Как раз неподалеку она заприметила тропинку, ведущую вдоль озера, сквозь прутья кустарника и камыши. Судя по многочисленным следам копыт, дорожка пользовалась популярностью у животных и имела соответствующий запах, но сейчас на ней было пусто и тихо. Решив, что не будет ничего страшного, если она проверит, куда ведет эта дорога, Аня с первых же шагов прижалась к ее краю, так как земля на ней превратилась в густое месиво из болотного мусора и грязи, а промочить ноги девушке хотелось меньше всего. Кое-где тропа поднималась повыше и земля оставалась сухой – там Аня шла по центру, почти расслабившись. В одном из таких мест на дорогу, прямо девушке под ноги, выпрыгнула серая округлая тень и, ни на миг не останавливаясь, умчалась в соседние кусты. Аня подскочила, будто ее током ударило, проехала ногами по грязи и почти шлепнулась в лужу, но успела кое-как ухватиться за ближайшие прутья. В последний момент она разглядела короткий хвост и длинные уши.

Заяц! Обычный серый заяц. Чтоб ему пусто было, напугал же до чертиков!

Получается, помимо мутантов, тут и обычные звери есть? С другой стороны, отчего им не быть? Для животных нет четких границ: они живут там, где есть подходящие им условия, а места с повышенной радиацией и аномалии можно просто обойти. Вот, например, кабан, напавший на Ивана, выглядел нормальным.

Следующие несколько сотен метров девушка преодолела без приключений, не считая особо заболоченных участков. Их Аня обходила, пробираясь через кустарник. Вскоре болото закончилось, уступив редкому сосняку. Тропа здесь расширялась, а сорняков и кустарника стало заметно меньше. Впереди, за деревьями, проступали очертания крупной старой постройки с отсыревшими стенами в пятнах от облупившейся побелки, ставшей теперь грязно-серого цвета. За первым строением поодаль виднелось еще одно, своими формами вызвавшее ассоциации с колхозной фермой. Возможно, далее были и другие здания или целая деревня, но Аня поняла, что, скорее всего, их не увидит. Укрывшись за старой сосной, девушка наблюдала

за большой стаей (или стадом?) странных крупных животных. Некоторые из них выглядели точь-в-точь как кабан, боднувший проводника, только массивнее: толстые ноги, тяжелое туловище с клочками редкой щетины на загривке, массивная голова с внушительными клыками. Больше всего они походили на помесь кабана и бегемота. Зверь с просеки по сравнению с ними был милым поросенком. Если бы такая махина врезалась в проводника, от него и мокрого места не осталось бы. Впрочем, вместе с ними бродили и особи поменьше – более привычного вида. Но больше всего Аню интересовали животные третьего типа, преобладающего в стаде. Их отличал оттенок шкуры и короткая (а у некоторых и вовсе сплюснутая) морда без клыков. Эти напоминали одновременно и кабанов, и домашних свиней, словно природа не определилась до конца, кем им быть. Некоторые из них хромали, у других не хватало ушей, а у третьих не видно было глаз, как будто животные собрали в себе изъяны со всего стада. Но в то же время вокруг них резво скакали нормальные и здоровые на вид рябые поросята.

Увидев детенышей, Аня окончательно решила дальше не соваться: дикие кабаны очень агрессивно защищают свое потомство, а попадись им на глаза человек – быть беде.

Девушка уже приготовилась к долгому и нудному пути назад, опять обходить лужи и грязь, как внезапный раскат выстрела, прозвучавший над болотом, словно гром, заставил ее вздрогнуть. Стадо зашевелилось и занервничало, а следом за первым выстрелом раздался целый залп – стрелок не целился, а просто палил в перепуганную звериную толпу, будто наудачу. Животные метались, в панике сбивая с ног сородичей, затаптывая слабых, не выбирая, в какую сторону убегать. Аня сообразила быстрее: она помчалась обратно к деревне за минуту до того, как визжащее и хрюкающее стадо ринулось в ту же сторону.

Аня летела со всех ног, так быстро, как только могла, подгоняемая грохотом пальбы и топотом многочисленных копыт у себя за спиной. У животных было четыре ноги, а у нее – всего две. Животные не хотели попасть под пули, а Аня не хотела попасть еще и под их копыта. Гонка казалась испытанием на равных условиях, пока нормальная дорога не сменилась болотистой тропой, а впереди не показалась первая лужа. Но девушка слишком разогналась, чтоб сворачивать в обход, да и вообще, какой идиот будет терять на это время, когда ему на пятки наступает стадо обезумевших кабанов? Не сбавляя скорости и проклиная все на свете, она перемахнула лужу, которая казалась не меньше двух метров в длину, неловко приземлилась и больно ударилась пятками о землю, но быстро собралась и побежала дальше.

Вот бы так же получалось прыгать на уроках физкультуры! Преподаватель вечно корчил недовольное лицо, глядя на Анины попытки из раза в раз сдать ненавистный норматив. Если бы он видел этот прыжок, какое лицо скорчил бы? Никакое. Помер бы в первой же аномалии.

Аня сжала зубы и перемахнула еще одну лужу поменьше, а за ней еще и еще. Она поскальзывалась, падала, но цеплялась руками за землю, вскакивала и бежала дальше. Ступни ног уже начали ныть от прыжков, когда девушка добралась до знакомой сосновой аллеи с подвохом. Этот отрезок пути она преодолела легко, а вот свиньям, судя по паническим визгам, повезло меньше. От страха мозги у животных не работали совершенно: они перли сплошной толпой, повинаясь стадному инстинкту, и жадную аномалию не видели в упор. Сколько кабаньих душ она унесла, Аня выяснять не хотела – она уже на всех парах вылетела на улицу, едва успев ухватиться за молодое деревце и свернуть вправо. Тонкий ствол согнулся и с коротким треском переломился пополам, но девушка уже вписалась в поворот. Через секунду на дорогу вылетел первый кабан и протаранил заросли на другой стороне под хруст ломающихся веток. Следом появились другие животные, и вскоре маленький перекресток заполнился хрюкающим и визжащим стадом. Некоторые последовали примеру первого, убежав в кустарник напролом, остальные разбежались в противоположные стороны улицы, в том числе и вслед за Аней. Девушка понимала, что животным нет до нее дела – они бегут куда попало, однако легче от этого не становилось: она порядком устала, а деревенская улица подходила к концу. Дальше лежали неизведанные земли, и врываться в них на бегу было не лучшей идеей. Аня

еще издали заметила дом на окраине и, перескочив через ветхую ограду, втиснулась в приоткрытую дверь. Шершавый косяк с остатками замка расцарапал ей плечо, но Аня была на адреналине и не заметила такую мелочь.

Дом, как и большинство его соседей, был пуст и пропах сыростью и пылью. В большой комнате неплохо сохранилась печь и немного мелкой утвари, разбросанной вокруг. В углу у окна одиноко грустил покосившийся раскуроченный шкаф, а открытые настежь дверцы демонстрировали пустоту его внутреннего мира.

Снаружи донесся топот и приглушенный треск ломающихся досок – похоже, один из кабанов снес гнилой забор. А что, если кто-то из них сдуру забежит в дом? Аня подняла глаза к потолку: между досками виднелись щели, а несколько сломанных частей перекрытия покоились на полу.

Залезть на чердак. Там можно переждать, пока животные успокоятся и разойдутся.

Аня покрутилась, прицеливаясь к дырам меж досок, выбрала самую широкую и подпрыгнула, вцепившись в край. Дерево закрипело, но вес выдержало. Девушка подтянулась, забросила одну ногу, затем другую, помогла себе руками и буквально заволокла свое туловище наверх. Мышцы немели от напряжения и усталости, но она была на чердаке.

Как ни странно, тут оказалось не так грязно, как внизу: большие окна отсутствовали, и пыль сюда почти не заносило, только в одной из стенок виднелось маленькое квадратное окошко. Его двойник с противоположной стороны перекрывала криво приколоченная доска. Смахивая паутину и разгоняя потревоженных пауков, Аня пробралась в сухой угол между скосом крыши и потолком, где последний был наиболее цел, и устроилась там. С этого ракурса чердак выглядел даже уютно: щепки и обломки досок вовсе не казались мусором, паутина, свисавшая повсюду с комочками спутанных мелких насекомых, напоминала новогодние гирлянды. В бледной полоске света, сочившейся из окошка, лениво плавали крошечные пылинки. Несмотря на покинутость и мертвую пустоту всей деревни, этот дом словно все еще пытался быть домом, помнил, как это: быть живым, уютным, безопасным, хранил в себе память, ловил ее в паутине на чердаке, прятал в давно остывшей золе в печи, укладывал на донышко каждого горшочка, тарелки или чашки, заваливавшихся в пыли, целых, разбитых, с отколовшейся эмалью, в трещинках и в пятнах ржавчины. Каждый их изъяснял память о руках, что заботливо готовили еду, мыли, ухаживали, берегли. Дом помнил. И это притягивало к нему живых.

Поначалу Аня хотела сесть, но быстро поняла, что из-за кривой крыши это будет не слишком удобно. Кроме того, она очень устала: от бега и прыжков болели ноги, рана на лице ныла и дергала, кожа на левой руке и открытой части лица чесалась, на теле не осталось живого места. Девушка решила не мучить себя и просто улеглась поудобнее. Если эти глупые звери не улягутся до темноты, она тут и заночует. Ее самочувствие не слишком изменилось за этот день, может, у нее еще есть время в запасе?

Снаружи периодически доносились топот и визг, иногда хрюканье. В какой-то момент в дверь что-то с силой ударило, так, что хрустнули ржавые петли, следом послышалось жалобное верещание и возня. Хорошо, что Аня сообразила спрятаться наверху. Слушая шум с улицы, она прикрыла глаза. Полноценный сон не шел, это больше походило на вялую дрему, сквозь которую девушка все слышала и сознавала.

Основная масса животных схлынула очень быстро: они были так напуганы, что разбежались кто куда. Менее расторопные особи застряли по пути, запутались в кустарнике, растерялись и как попало металась, сбитые с толку, шумели, пока не находили наконец выход и не бежали прочь. Еще менее удачливые свиньи попали под раздачу своих же сородичей, получили травмы разной степени тяжести и волоклись, как могли. Остальные отсыпались еще по пути с фермы.

Когда активность за стенами стихла, кусочек неба в окошке стал серо-синим. Впрочем, Аня не особо расстроилась. Дом ей понравился, к тому же она страшно хотела спать. Девушка

потянулась, размяла усталые конечности и улеглась вновь, как вдруг с улицы послышались отчетливые шаги и (не может быть!) приглушенные голоса.

Их было двое. Мужчины. С оружием.

Аня поняла это еще до того, как они подошли к двери. Оба нагруженные, тяжелые и уставшие. Их тоже привлек дом.

Переговариваясь вполголоса, они отодвинули дверь, расширив проход – та издала мученический стон, осыпав гостей завитками отсохшей краски, пылью ржавчины и лесным мелким мусором. Грохоча тяжелыми ботинками, мужчины вошли в дом.

Из своего укрытия Аня наблюдала, как они осмотрели комнаты, заглянув в каждый угол, при этом в руках у них что-то тихо пикало. «Счетчик! – догадалась Аня, – проверяют, нет ли тут радиации». Один из мужчин снял с плеча массивное ружье и стукнул несколько раз прикладом по потолку. Доски затряслись, посыпалась пыль, где-то в дальнем углу запищала мышь. Девушка сжалась, став живым воплощением неподвижности.

– Порядок. Заночуем тут. – Мужик опустил ружье. – Давай, запри дверь, чтоб никакой гость сюда не залез.

Пока эти двое обустранивались, Аня смогла получше их разглядеть. Оба сталкера (девушка определила эту касту по умолчанию) были рослые, крепкого телосложения, в плотных комбинезонах защитного цвета со множеством карманов и сумок, у одного поверх комбеза имелась плотная жилетка (броне?), на ногах – высокие ботинки с толстой подошвой, за спиной – вместительные рюкзаки, не такие большие, как притащила с собой Катя, но явно собранные с умом и без лишней ерунды. У каждого было оружие, которое Аня охарактеризовала бы как ружье, но покруче. Девушка плохо разбиралась в этой теме, просто видела, что пушки у сталкеров разные и при этом похожи на охотничьи. В памяти всплыло слово «дробовик». Да, наверное, у того в жилетке – дробовик, и, видимо, он главнее. Вообще мужчины больше всего напоминали ей охотников. Охотников, собравшихся на войну.

Аня сразу догадалась, что это они стреляли по стаду. Только вот зачем? Это же зараженная местность, разве тут разрешена охота? Может, просто отстреливали поголовье? Девушка понятия не имела о порядках, царивших в Зоне, об обычаях и образе жизни местного населения, поэтому увиденное вступало в конфликт с ее логикой и теми скудными знаниями, что у нее уже имелись. Зачем стрелять в диких свиней? Откуда у отшельников недешевое оружие и патроны, амуниция, приборы и прочая странная техника? Как они добывают пропитание в таких условиях и на что живут? Аня ничего этого не понимала, и ей казалось, что она попала в странный фильм о войне с элементами фантастики. А еще девушка внезапно поняла, что эти люди ее пугают. Да, она помнила свой план: найти людей и попросить отвести ее до границы или хотя бы помочь, но теперь, увидев живую, что представляет собой здешний контингент, показываться не спешила. Ее не покидало тревожное ощущение опасности, витавшее рядом с этими мужчинами, и от этого ее тело отказывалось двигаться.

Тем временем сталкеры обустроились в комнате, над которой пряталась Аня, занавесили окно, достали небольшой фонарик с мягким рассеянным светом и приступили к ужину.

Запах еды разбудил задремавшее было чувство голода, и Аня, давась слюной, что было сил втянула живот в надежде, что это не позволит ему издавать слишком громких звуков. А охотники, как назло, ели неторопливо, параллельно обсуждая свои темы про снаряжение, походы, заказы, мясо. Опять еда! Аня стиснула зубы, уже начиная ненавидеть эту парочку, словно нарочно дразнившую ее несчастный желудок. Она зажмурилась и попыталась дышать ртом, дабы не слышать запаха. Какое-то время это работало, но потом аромат еды начал проникать и через рот, точнее не так: девушка будто ощутила вкус воздуха, и этот факт немного отвлек ее от заикленности на чувстве голода. Аня принялась с интересом смаковать новое ощущение, пока разговор двух сталкеров не прервал это занятие.

– Да не очкуй! Все туши надежно спрятаны. Я этим складом уже давно пользуюсь: двери крепкие, замок тоже, – говорил сталкер, которого Аня условно назначила главным.

– А это мясо правда потом на еду пойдет? – подал голос второй мужчина.

– Ты чего, первый день в Зоне? Ужин наш откуда, по-твоему?

Пауза. Видимо, второй сталкер изобразил на лице неподдельные эмоции, потому что первый громко рассмеялся, а когда его хриловатый смех затих, заговорил:

– Местных кабанов уже давно можно есть, но не всех. Нужно знать каких. Вот мы с тобой сегодня стреляли правильных.

– Тех, что поменьше, и поросят.

– Верно. Само собой, их потом еще перепроверят, но будь спокоен – они окажутся чистыми.

– Ну а как же радиация, мутации, нуклиды эти всякие? Они же едят, вон, растения, в земле роются...

– Вот чего не знаю, того не скажу. Как меня Живодер научил, так я и делаю и ни разу не облажался. А уж как он до этого всего допер – не мое дело. И не твое.

– Секрет фирмы?

– Типа того. – Сталкер зашуршал одеждой. – Давай на боковую. Завтра с утра пригонят транспорт. Надо встретить, загрузить улов. У них там какой-то форс-мажор, но машина придет вовремя, так что надо выспаться.

Потом слышалось только шуршание и возня. Мужчины укладывались минут пять, после чего наступила тишина.

Аня наострила уши, как только услышала знакомую кличку. Живодер вез их в Зону, и с ним же списывался проводник Иван, когда вел их на убой. Как метко сложилась мысль: на убой, совсем как этих кабанов. Аня нахмурилась. Вряд ли тут имеется второй такой Живодер, это не большой город, чтобы встречались сталкеры с одинаковыми именами-кличками. Скорее всего, это один и тот же человек. Интересно, эти двое внизу знают, чем занимается их работодатель (или кем он им приходится) помимо разделки мяса? Впрочем, проверять это Аня не имела ни малейшего желания. Вероятнее всего, они ей не поверят, а если в курсе его делишек – прибьют на месте, и тогда в этой деревне станет одним трупом больше. Вот уж повезло так повезло. Девушка даже догадывалась, что за форс-мажор имел в виду сталкер. Живодер потерял связь со своим дружком-проводником. Хотелось надеяться, что какой-нибудь кабанчик по пути все же добил его. Какие ценности он рассчитывал найти у студентов? У них не было при себе больших денег или дорогой техники. Ну, может, у Ленки новый айфон, который ей недавно родители подарили, или ее же золотые украшения? У Кати была зеркалка, но это не то чтобы слишком дорого. Да все их вещи в сумме не окупили бы даже части снаряжения на одного сталкера! Аня поняла, что злится, но эта злость причиняла только мучения, так как изменить что-либо девушка не могла – только неподвижно лежать и надеяться, что ее присутствия не заметят до утра.

Снаружи уже совсем стемнело, и окошко теперь почти не отличалось по цвету от стен. Ночь проникла в дом и наполнила комнаты чернотой, скрыв изъяны, трещины, грязь и мусор, подарила иллюзию жилых помещений, хозяева которых погасили свет и спят. Где-то через час Аню начало знобить. Она не сразу заметила, что воздух остыл, а когда обратила внимание на легкий сквознячок, ее уже всю трясло. Девушка осторожно заползла поглубже в угол, где, по ее ощущениям, холод чувствовался меньше всего, сжалась в позе эмбриона и попыталась расслабить мышцы, ибо озноб мог выдать ее с головой. Другого выхода она не видела: единственная теплая кофта осталась в сумке, а внизу храпели два мужика с пушками. Оставалось только терпеть. И Аня терпела.

В какой-то момент ей пришла на ум мысль, что у нее температура, последствия облучения решили проявить себя, и это начало конца. Глубоко внутри зашевелился страх, и лихо-

радка стала сильнее. Возможно, утром она обнаружит, что не в состоянии слезть с чердака, а часть ее кожи останется здесь, на досках в углу, если, конечно, к тому времени она будет в состоянии хоть как-то передвигаться.

Аня медленно вдохнула и так же медленно выдохнула. Помогло. Усилием воли она ослабила мышцы и дала холоду обнять себя. Глаза закрылись сами собой, и девушка погрузилась в странное состояние между сном и явью, слыша и почти осязая, как живет мир вокруг. Вот плавно и тихо дышит ветер, за стеной тихонько скребется мышь, беззвучно плетет сети паучок под крышей, покачиваются прошлогодние плоды на искореженных ветках яблонь, дремлет в сосновом гнезде сытая аномалия. Ночь вела свою скрытую от глаз жизнь, которую можно было только услышать, и Аня слушала.

* * *

Рано утром, едва начало светать, сталкеры собрались и покинули дом. Двигались они на удивление тихо и почти не разговаривали, но в тех немногих обрывках фраз, что ей удалось уловить сквозь сон, она разобрала кое-что крайне полезное. Уходя, сталкеры оставили тайник на случай очередной ночевки. Где конкретно, Аня не видела, но это была еда! Она слышала шуршание пакета и запах. Только бы поскорее слезть и найти ее!

Девушка выждала, пока шаги охотников окончательно стихнут, и еще дополнительное время после – на всякий случай, и собралась уже выбраться из укрытия, как вдруг поняла, что не может двигаться. Ее тело и мышцы обмякли, словно превратились в вату, а конечности практически не реагировали на попытки пошевелить ими.

Что за ерунда? Не могла же она так замерзнуть за ночь? Да и в таком случае она вовсе бы не проснулась, Аня никогда не слышала о подобных эффектах от переохлаждения, и необычные ощущения заставили ее занервничать. А что, если это следствие воздействия радиации и ее мышцы просто-напросто атрофировались? Чушь. Это вызвало бы жуткую боль и вообще проявлялось бы иначе. Но Аня не чувствовала никакой боли. Она хотела есть.

Спустя несколько минут раздумий девушка обнаружила, что ее тело постепенно оживает. Подвижность сперва вернулась к рукам, а позже вяло и лениво – к ногам и всему телу. Аня осторожно выползла из угла, поочередно разминая конечности и потягиваясь. Из окошка тянуло прохладой влажного утреннего воздуха, снаружи не доносилось ни звука. Раннее утро было тем самым коротким промежутком времени, когда ночная жизнь уже притихла, а дневная еще не проснулась.

Аня подобралась к краю, свесила ноги вниз, упершись в доски локтями, перегнулась и прыгнула. Резкая боль пронзила ее голени до самых колен. От такой внезапности девушка сложила пополам и повалилась набок, прямо на усыпанный щепой пол. Вот не хватало еще ноги переломать! Но боль ушла так же неожиданно, как и вспыхнула. Аня осторожно пошевелилась, встала – никаких переломов, все работает, все цело. С опозданием она поняла, что снова сгруппировалась: боль появилась от внезапной нагрузки на еще сонный организм, к которой тот банально не успел подготовиться. Тело еще не проснулось до конца, а девушка уже принялась прыгать-скакать.

Слегка прихрамывая, скорее от боязни, чем от реальных ощущений, Аня отправилась на поиски сталкерской заначки. Тайник нашелся легко: возле раскрытого шкафа, под половицей. Внутри, завернутые в целлофановый пакет, лежали ломоть хлеба и консервы без этикеток. Отдельно от них нашлась небольшая пластиковая бутылка с водой. Вытащив ее, девушка почуяла, что откопала клад. В одно движение скрутив крышку, она жадно выпила сразу половину, наслаждаясь каждым глотком. Кто бы мог подумать, что обычная чистая вода может оказаться настолько вкусной! Отставив бутылку, Аня взялась за хлеб, откусила огромный кусок и чуть не подавилась в попытке проглотить его, толком не прожевав. Желудок неистово требо-

вал еды, и в первые минуты девушка поддалась животным инстинктам, но кашель, вызванный застрявшим комком теста, протрезвил ее, напомнив, что никакой голод не должен стать причиной настолько глупой смерти. Следующий кусок Аня уже тщательно пережевывала, сосредоточенно сопя. Есть с противогазом на лице, пусть и частично оборванным, было не слишком удобно. Приходилось подносить еду под определенным углом и широко открывать рот, но Аня быстро наловчилась отрывать кусочки пальцами, а не откусывать их. Она почти доела хлеб, когда вспомнила про консервы. Там были готовое мясо и вкусный бульон, который можно вымочить оставшимся кусочком хлеба или выпить. Только вот как открыть банку?

Нужно что-то твердое и острое.

Аня обвела взглядом комнату в поисках подходящего предмета. Стекло она отмела сразу, куски досок тоже, не годились и осколки кирпича. Был бы у нее нож...

Девушка метнулась в соседние комнаты и принялась обшаривать их сверху донизу, каждый угол, каждую кучку мусора. Она заглянула за корпус старой плиты, прошерстила сломанные шкафчики, остатки полок, и на одной из них наткнулась на заржавевшую полоску металла, по форме похожую на нож без ручки. Так себе инструмент, но зато не стекло. Она схватила шершавый обломок, обтерла об штанину – тот оставил на ткани густой рыжий след, но этого было мало. Девушка вернулась в комнату с едой, подобрав по дороге кусок кирпича, и принялась счищать с лезвия ржавчину. Под слоем рыжей пыли скоро заблестели остатки железа. Аня очистила чуть меньше половины, но больше ей и не требовалось.

Острым концом она уперлась в край банки, а саму ее крепко зажала между подошвами кед. Немного усилий, и уголок ножа вошел в жестянку, выпустив наружу золотистую лужицу мясного сока. Аня вдохнула его запах, и желудок призывно заурчал. Но теперь девушка держала себя в руках, хоть ее руки и дрожали от нетерпения отправить содержимое банки в рот, пускай даже и вместе с банкой. Она аккуратно слизала выступивший бульон и воткнула нож обратно, раскачивая его и медленно продвигая лезвие по кругу. Постепенно разрез дошел до середины, а потом и дальше, круг замкнулся, Аня отломала верхнюю крышку консервы и выкинула, предварительно облилав. Ну наконец-то!

Девушка набросилась на полуфабрикат с не меньшим аппетитом, чем на хлеб и воду до этого. Она хватала кусочки мяса прямо из банки и глотала, едва прожевав. Раньше Аня всегда считала тушенку чем-то вроде еды для ленивых и ставила ее в один ряд с пельменями и лапшой быстрого приготовления, проще говоря, не воспринимала ее как нормальную еду. Сейчас же эти консервы казались ей самой вкусной и самой лучшей едой на свете. Аня съела все до последнего кусочка и вылизала банку досуха, закусив остатками хлеба и запив водой из бутылки. В желудке стало приятно тепло, и девушка сразу почувствовала себя лучше.

Какое-то время она просто сидела и тупо смотрела в стену, наслаждаясь прекрасным чувством сытости. Организм постепенно оживал: почесывалось лицо, легонько покалывало недавнюю рану, обожженная рука зудела, но здоровая подвижность к ней вернулась полностью. Никакой тошноты, головной боли, жара или ломоты в суставах. Видимо, у нее больше времени, чем казалось, и это существенно поднимало настроение и давало надежду, что Аня все же выберется из Зоны или хотя бы доберется до ее границ.

Глава 3

Самые важные вещи в жизни – это хорошее самочувствие и сытость. Так легко об этом забыть, живя в большом городе и имея постоянный доступ к еде и медицинской помощи. Эти простые вещи становятся незаметными, незначительными, обыденными, когда имеются в избытке и на любой вкус. На первый план выходят совсем иные заботы, актуальные для новых искусственных условий жизни, и вот уже болезнь нам вылечат врачи в стерильной палате, с обидчиками разберется полиция, а пропитание предоставит сеть супермаркетов.

Аня была одной из тех сотен тысяч людей, что всецело полагаются на блага научного прогресса, а синонимом выживания для них является хорошая должность на работе с соответствующей зарплатой. Она хорошо училась в школе, не прогуливала, поступила в вуз, метила на работу не в какую-то среднюю школу, а в престижный лицей, а то и вовсе переводчиком куда-нибудь повыше. Куда конкретно повыше, Аня тогда еще не решила, как и то, почему переводчиком. Очевидно, из-за слухов, что те много получают. Она хотела оправдать надежды родителей, а как еще это сделать, если не высокой зарплатой? Тогда она купила бы себе отдельное жилье в центре города, сделала ремонт у мамы дома, купила бы ей все, чего та пожелает, а отец вернулся бы из своих вечных командировок и проводил бы с ней больше времени...

И вот Аня, уже почти второкурсница на пути к мечте, сидит в глуши, в заброшенном доме забытой всеми богами деревни, и радуется, что ей перепала банка тушенки сомнительного происхождения и кусок хлеба с водой, а по ее телу снуют миллиарды радиоактивных частиц, разрушая каждую его клетку. Теперь будущее куда логичнее было бы представить как один сытый день без боли и ран. А самое глобальное – дотащить свое тело до ближайшего жилого населенного пункта или КПП.

Самые важные вещи – это самочувствие и сытость.

Аня сдавленно засмеялась и ощутила, как глаза наполняются слезами.

Какая глупость! Какая огромная сплошная глупость все эти деньги, статусы, положение в обществе, да и само общество тоже. Даже ее друзья – где они сейчас? Да что там друзья. Семья, которая с самого детства преподносится как первая и наибольшая жизненная ценность, какую цену она имеет теперь? Где теплые и заботливые руки ее матери, которые она так любила и на которые готова была молиться до конца своих дней? Где бесстрашный и недостижимый отец, к которому она всегда тянулась и чьего внимания хотела добиться с малых лет? Где все то, чем она жила еще каких-то пару дней назад? Поблекло, истлело и похоронено под многолетним слоем опавших листьев, как и вся эта деревня; померкло, как угас свет солнца под бесконечным полотнищем пыльных серых облаков, поглотивших синеву неба. Теперь ее мечтами живет кто-то другой, кто не знает боли и голода.

От накатившей безысходности Аня обхватила голову руками и согнулась, почти касаясь пола. Пока она решала проблемы с противогазом и едой, бродила туда-сюда, на другие размышления у нее не было времени, теперь же, когда желудок замолчал, а в доме она была в относительной безопасности, на девушку снова накатили мысли о собственном незавидном положении и столь неприятных перспективах. Аня понимала, что постоянное прокручивание одного и того же не даст положительного результата, напротив – только усугубит ее состояние, но ничего не могла с собой поделать. После того, как пустота в желудке заполнилась, она словно перебралась в душу, а там заполнять ее было нечем. Уже нечем.

Ане требовалось избавить себя от искушения думать об этом, заглушить подобные мысли, а лучше и вовсе выкинуть их из головы. Решение было, и Аня его знала.

* * *

Утро встретило сизой пеленой тумана, словно полупрозрачный дым, заполнило деревню и окрестности. Воздух отяжелел, наполнился влагой, впитывался кожей, оседал на одежде, серебристым мерцающим налетом покрывал крыши и стены домов, деревья. Бурые листья, ковром укрывавшие землю, влажно блестели в мутном воздухе, похожие на чешую. Ветра не было. Весь мир застыл безмолвно и неподвижно, будто в вакууме. О вчерашней звериной гонке напоминали лишь поломанный кустарник и несколько темных бугорков у края дороги и в зарослях. Прохлада ночи и сырость существенно замедляли процессы порчи тел, но запах свиного навоза и мокрой шерсти ощущался достаточно хорошо даже при отсутствии ветра.

Аня покинула дом и теперь стояла у края улицы, размышляя, в какую сторону направиться. Свежий воздух прогнал дурные мысли, и в ее сознании царили чистота и порядок. Как же хорошо – не беспокоиться о всякой ерунде...

Аня осмотрелась, прислушалась к тишине вокруг и зашагала вдоль по улице, в сторону светлеющего на горизонте неба – на восток.

Девушка хотела как можно скорее покинуть пределы деревни, интуитивно понимая, что большое количество погибших в одном месте животных не сулит ничего хорошего. Даже со всей неопытностью она догадывалась, что запах легкой добычи очень скоро привлечет сюда хищников, а с представителями вершин местной пищевой цепочки Аня предпочла бы не встречаться вообще никогда. В то же время она не спешила больше, чем следовало, усвоив за короткое время пребывания в Зоне одно из простейших правил: излишняя спешка существенно снижает шансы на выживание.

До самого конца улицы Аня шла в щекочущей нервы тишине, нарушаемой лишь тихими звуками своих же шагов, и уже после того как последний покосившийся дом остался позади, она услышала громкое карканье и отдаленное хлопанье крыльев. Первыми на банкет прибыли не те, кто имеет хороший нюх, но те, у кого хорошее зрение и большой угол обзора. Аня обернулась: над верхушками деревьев в редящем тумане кружилось несколько ворон. Еще паратройка уже сидели на крышах. Начинается.

Последний раз скользнув взглядом по старым домам, девушка вдруг увидела в уцелевшем окне ближайшего грязно-серый силуэт с острыми ушками, но, приглядевшись, поняла, что это всего лишь рваный кусок занавески – игра тумана и воображения. Встряхнувшись, Аня поспешила прочь из деревни.

* * *

По мере того как светлело небо, рассеивался и туман.

Аня шла почти напрямую по участку леса с низкими деревцами и мягкой влажной почвой, от которой ее кеды быстро приобрели сырую бахрому по краям. Под высокие деревья, обступившие ее путь со всех сторон, она входить не решалась, боясь заблудиться среди них.

Зона быстро просыпалась: в ветвях перепархивали и чирикали мелкие птицы, в опалой листве шуршали грызуны, деревья чуть слышно поскрипывали на ветру. Обилие разнообразных звуков и движений поначалу заставило Аню растеряться, вздрагивать от каждого писка или взмаха маленьких крыльев. Раньше она думала, что лес – тихое место без постороннего шума, где можно услышать, как лист падает с ветки. Тут же она потеряла звук собственных мыслей.

Зачем они все так шумят? Откуда тут столько живности?

Аня не помнила ничего подобного за все время своего путешествия через Зону. Когда они шли с проводником, вокруг было гораздо тише, и лес выглядел, как лес, в привычном понимании этого слова. А сейчас он словно ожил.

Какое-то время девушка шла с открытым ртом и вертела головой во все стороны, поворачиваясь на каждый звук, как будто только вчера родилась, и выглядела при этом до безобразия глупо. Окажись на ее пути ловушка, Аня влетела бы в нее, и глазом не моргнув.

Вот на голую ветку неподалеку села мелкая коричневая птица, скосила глаз-бусинку на девушку, пискнула. В ее тонком клюве шевелилась мохнатая букашка. Миг – и птица упорхнула. Вот в листве мелькнул мышинный хвост, а следом показалась острая усатая мордочка с трепещущим носом. Рядом шевелил сырую прошлогоднюю траву большой жук с блестящим панцирем. В кронах высоких сосен сустились стайки маленьких птах, непрерывно щебеча, на секунду их гомон заглушила резкая и громкая дробь – дятел. Все вокруг жило, сустилось, мелькало, ело, летало, пахло – у Ани закружилась голова. Но во всех этих разномастных звуках, в их хаосе прослеживалось что-то общее, одна волна, неуловимая гармония, подхватив которую Аня вдруг почувствовала себя частью этого мира, этого восхитительного беспорядка, царящего здесь. Она испытала давно забытое чувство нелепого восторга, какое ей доводилось пережить в последний раз лет в пять или шесть, когда родители впервые сводили ее в кино на какой-то фэнтезийный фильм. Картинку показывали в 3D, и вид летящих искр, снега и фантастических существ прямо из экрана произвел на ребенка колоссальное впечатление. Тогда ей хотелось часами напролет обсуждать увиденное с друзьями, родителями, да с кем угодно! Но кого угодно не нашлось: друзья разъехались на зимние каникулы, а родители только кивали и улыбались. Но то, что Аня испытывала сейчас, было в сто раз сильнее, она словно сама стала частью фантастического кино, вошла в него и слилась с миром по ту сторону экрана, который стал неожиданно настоящим и реальным, заняла в нем главную роль, а все те, кто остался снаружи, в кинозале, замерли от страха и немого восхищения.

Аня остановилась, жадно хватая ртом чистый и прохладный воздух, впитывая в себя удивительную смесь звуков, запахов и остатков тумана. Сердце колотилось так сильно, что от его ударов вибрировала не только грудная клетка, но и руки, и ноги, и все тело. Ей вдруг ужасно захотелось подскочить, сорваться с места и бежать, бежать вперед сквозь траву, кустарник, деревья, чтоб ветки били по плечам, а ноги тонули в мягком ковре из листьев и мха. К черту аномалии – она увидит их, нет, почувствует задолго до того, как те окажутся рядом, Аня была уверена в этом как никогда! Перед ней открыт весь мир, экран кинозала пройден, безмолвные зрители остались в своем выдуманном мире, плоские и скучные. Их больше нет, никого больше нет, ничто ее не держит. Ощущение невероятной, безграничной свободы захлестнуло девушку, опьянило, закружилось вихрем внутри и снаружи, и она побежала. Помчалась так, как мечтала, напролом, сквозь кустарник, перепрыгивая ямы, заполненные весенней водой, по смятой траве, распугивая мелких птиц, перемахивая через толстые, покрытые мхами стволы упавших сосен так легко, словно делала это с самого рождения, не чувствуя усталости и боли и уж тем более страха. Она не замечала, как одним прыжком преодолевала расстояние, куда большее, чем заслоняла та или иная преграда, как после приземления катилась кувырком, помогая себе руками, как ныряла под низкие ветки и пробегала под ними почти на четвереньках – это не доставляло ей дискомфорта или неудобств. И не было никого, кто остановил бы ее, одернул, напомнил, что девушке негоже бегать по лесу, что она ведет себя странно и вообще это на нее не похоже. Конечно, не похоже, ведь существом, бегущим сквозь чащу без остановки уже почти час, была не Аня. Аня никогда не отличалась столь хорошей физической подготовкой и выносливостью.

* * *

Лес закончился внезапно. На его границе деревья росли как будто под линейку: старые высокие сосны, хвойники помоложе и совсем юный подлесок выстроились в ряд вдоль невидимой линии, не смея нарушить только им одним известные запреты.

Аня выскочила, нет, выкатилась из леса и, повинуясь внезапному тревожному чувству, резко остановилась, буквально вцепившись руками в рыхлый песчаный грунт. Тонкие пальцы оставили глубокие борозды, вывернув наружу мелкие корешки и кусочки хвои. Здесь бежать опасно.

Сердце все еще бешено колотилось, готовое вот-вот выпрыгнуть, глаза не могли сфокусироваться после ряби стволов и веток, а голова слегка кружилась, но эта буря ощущений не помешала ей различить тонкий и тихий звон, будто дернулась невидимая струна, натянутая где-то меж ребер. Именно это заставило ее затормозить, чуть было не лишившись ногтей.

Земля здесь была мягкой и сухой, состоящей преимущественно из светлого песка, со скудной растительностью, очень низкой или стелющейся по земле. Редкие кустарники, рискнувшие поселиться на открытой местности, стояли черными обуглившимися скелетами.

Аня села прямо на землю на том же месте, где и остановилась, постепенно приходя в себя. Что это было минуту назад? Откуда взялось это странное, но, несомненно, приятное... чувство? Явление? И откуда у нее столько сил бежать без усталости?

Аня попыталась все обдумать, дать себе логичное объяснение, но у нее ничего не вышло. Что-то странное происходило вокруг нее и с ней самой, но что именно – девушка так и не могла понять. Так же как и не могла решить, хорошо это или не очень.

Сердцебиение утихло, выровнялось, и Аня снова чувствовала себя как обычно. Почти. Потому что определение «обычно» в данной ситуации выглядело весьма спорно. Она протерла стекла противояда и осмотрелась уже внимательнее.

Безлесная местность оказалась просекой, почти такой же, как та, по которой они шли в компании с проводником. Она делила лесной массив длинной широкой полосой, казалось, не имевшей ни конца, ни начала. Почти по ее центру шла высоковольтная линия электропередачи с на удивление ровными и чистыми столбами, чего нельзя было сказать о проводах. С ними Зона сотворила что-то невероятное: они превратились в некое подобие черных лиан, хаотично сплетавшихся между собой и на верхушках столбов. На некоторых участках провода провисали до самой земли, и там растительность отсутствовала вовсе – только чистый выбеленный песок. На столбах они спутывались в клубки и петли, словно змеи, висели плетями, переплетались друг с другом, соединяя вершины хаотичной и причудливой черной паутиной. Проводов было слишком много, так не бывает, это понимала даже Аня, далекая от сферы электрики, а тут они как будто размножились или вовсе разрослись, подобно вьющимся растениям, но, в отличие от растений, нацеленных заселять собой все прилегающие и доступные территории, провода не стремились покидать мест, отведенных им человеком. Воздух на просеке заметно отличался от сырого и прохладного лесного – здесь он был сухим и ощутимо вибрировал. От колонны столбов с проводами доносилось монотонное и тихое гудение, казавшееся зловещим, и Аня подозревала, что это недалеко от истины. Гудящий звук мог означать только одно – линия под напряжением, а учитывая ее необычный вид, можно было только догадываться о силе этого напряжения и прочих сюрпризах, таящихся в ней.

Аня почесала затылок и с удивлением вынула из волос вилочку сосновой иглолки. Ну конечно, она же мчалась, не разбирая дороги. Сколько еще мусора она на себя нацепляла? Девушка осмотрела и ощупала себя с ног до головы. Помимо иглолок, частей растений и паутины, она обнаружила пару дырок в футболке и на штанинах. Увы, ее одежда не годилась для пробежек по лесу. Кроме того, Аня получила несколько свежих царапин на плечи и вдобавок

содрала кожу на ладонях и пальцах. Теперь, когда эйфория гонки сошла на нет, ранки начало неприятно щипать, а руки так и вовсе горели огнем. Аня решила, что за всю свою жизнь не получала столько повреждений, сколько набрала за последние сутки. А вот противогаз в данном случае сыграл ей на руку – не будь его, девушка непременно поранила бы еще и голову, а то и глаза. Все же эта штука приносила какую-никакую пользу.

Почистив себя в меру возможностей, Аня решила продолжить свой путь вдоль просеки. Она не слишком сбивала ее с намеченного маршрута, да и идти по ней было легче, чем по густому лесу. Девушка старалась держаться подальше от подозрительной ЛЭП, благо та проходила не строго по центру, а была немного сдвинута в сторону.

Поначалу идти было и впрямь легко: трава росла низко, земля под ногами не проваливалась и не имела преград в виде луж и топей, кустарник отсутствовал вовсе, попадались лишь странные округлые камни, похожие на обточенное водой стекло самых разных форм и размеров. Но откуда бы им тут взяться, если поблизости не наблюдалось ни реки, ни озера, ни уж тем более моря? Один из таких окатышей был размером с Анину голову, а другой девушка и вовсе приняла за кусок льда, смерзшийся с песком, и только через несколько минут ей в голову пришла догадка, что странные камни и гудящие провода на столбах взаимосвязаны.

Что, если эта линия – одна сплошная огромная аномалия? Аня помнила, как Иван показывали им одну, тоже электрическую, во второй день путешествия, и как та сработала от одного болта. А что будет, если сработает вся эта цепь? Гигантский фейерверк...

Аня поехала и на всякий случай отступила еще на шаг. Ей почудилось, что провода едва заметно шевелятся, и от этого по спине пробежал мерзкий холодок.

Менее чем через час пути вдоль просеки девушка заметила у себя легкое головокружение и слабую пульсирующую боль в висках, которая быстро переросла в почти непереносимую. Гудение стало громче и буквально сверлило мозг изнутри. Шевеление на столбах ей уже не казалось: провода на самом деле двигались, ползали, перекручивались, шуршали и терлись друг о друга растрескавшейся изоляцией, шипели, словно змеи, то и дело тянулись следом за идущей вдоль них девушкой. Еще немного, и она потеряет сознание от этой непонятной зубодробилки, и тогда провода-змеи спустятся со своих насестов и поползут, извиваясь в песке, к ней, опутают, задушат, сожгут, высушат, затащат в свое гнездо...

Забывшее чувство страха вновь подало признаки жизни, и, повинувшись глубокому, но понятному ей инстинкту, Аня свернула с просеки в лес, под густой зеленый покров. Практически ничего не соображая и едва различая направление, она прошла несколько метров и рухнула лицом в сырой прохладный мох. Еще минуту или две, которые тянулись целую вечность, Ане казалось, что ее голова вот-вот лопнет, а мозг вытечет через уши, но потом боль стала постепенно уходить. Девушка пролежала так до тех пор, пока неприятные ощущения не оставили ее окончательно, и только тогда осторожно пошевелилась и перевернулась на бок. Лежать во мху было хорошо и уютно, как на толстом пушистом ковре, особенно после того как ей только что чуть не выжгла мозги апатичная на вид аномалия. Аня не сомневалась, что ее внезапная головная боль – это эффект от измененной электролинии, своего рода побочка долгого пребывания рядом, как и галлюцинации со змеями. Новый факт добавлял новую проблему: Аня хотела в итоге перейти через просеку на другую сторону, так как все время идти вдоль ей уже надоело, а к концу дня не помешало бы найти ночлег – ночевать возле ЛЭП она не станет ни в коем разе, особенно теперь. Но сейчас девушка сомневалась, сумеет ли пройти под проводами, не рискуя навлечь на себя серьезную беду. Кто знает, как отреагирует ее организм, когда она подойдет к ним почти вплотную.

Теперь Аня понимала, почему на просеке стояла такая подозрительная тишина: ни единого шороха, голоса птиц или других животных. Они попросту не выдерживали этого воздействия.

Девушка передохнула еще немного и отправилась дальше, уже соблюдая безопасную для себя дистанцию. По ее предположению, аномалия должна была скоро закончиться, но даже спустя час пути картина практически не поменялась, разве что провисающих плетей стало меньше. И тогда Аня решилась на риск.

На одном из участков провода переплетались особенно высоко, почти внатяг, а под ними довольно густо росла низенькая зелень. Это место идеально подходило для попытки прорыва. Девушка побаивалась приближаться к черным лианам, но если пробежать быстро...

Аня немного потопталась, наметила примерный маршрут, где провода были максимально высоко и, выбросив из головы все посторонние мысли, побежала. Почти сразу гул усилился и голова отяжелела. Чем ближе Аня была к линии, тем сильнее давило в висках и на макушку, к растущему шуму в ушах добавился свист, а еще через секунду их заложило. Почти под самой линией мир перед глазами пошел радужными пятнами, словно на стекла противогаза налили бензин, лес впереди закачался и поплыл, ноги сделались ватными, и Аня поняла что падает. Но это не Аня упала на землю, а земля вдруг поднялась и ударила ее по рукам, коленям и груди. Тело враз стало тяжелым, а сверху как будто посыпались мешки с песком, ритмичными и тяжелыми ударами прибывая ее к земле.

Бух! Вышибло воздух из груди.

Бух! Голова взорвалась от боли.

Бух! В глазах потемнело.

Бух! Еще чуть-чуть – и сломается позвоночник.

Аня уперлась маской в песок и медленно поползла вперед, буквально впиваясь пальцами в землю и в собственное желание жить. Она ползла, будто вверх по отвесной стене, ожидая, что вот-вот сорвется вниз, в мир вечной темноты и свистящих змей, что как раз тащили ее назад, под столбы. Аня потерялась в пространстве, не соображая уже, в каком положении находится: ползет вперед, лезет вверх или вовсе падает вниз головой. Она ничего не видела и не слышала, кроме тех самых ударов, сотрясавших все ее тело, не понимала, где находится и сколько прошло времени, даже частично не ощущала конечности. Все мысли и образы перемешались в сплошную кашу и являли собой подобие белого шума на экране телевизора с едва уловимыми контурами картинок без смысла.

Аня не помнила, как хрипела и корчилась на земле, словно беспомощная личинка человека, как ее трясло и как от перегрузки из ушей и из носа текла кровь, как доползла до леса и в беспамятстве зарылась руками и лицом в густой мох и провела так несколько часов, пока ее разбитое сознание не склеилось вновь, не бесследно, но все же склеилось. Она вдруг поняла, что те самые удары были ударами ее сердца, и после этого ее мозг запустился, как заглохший мотор в непогоду. Шум, свист, гул и боль иссякли, и наступила тишина. После ушла и она, заполнившись звуками, но уже привычными: шелестом ветвей на ветру. Тихим хлопком разложило уши, они немного болели, но это казалось такой ерундой. Аня прошла через аномалию и осталась жива. Жива. И это главное.

* * *

Когда Аня окончательно пришла в себя и последствия контакта с измененной линией практически сошли на нет, день пересек свой экватор. Облака закрывали солнце так плотно, что сквозь них не проглядывало даже намек на округлое пятно, но девушка инстинктивно догадывалась, что потратила уже примерно половину светлого времени суток. Также она предполагала, что просека, вероятнее всего, вывела бы ее к очередному населенному пункту, разумеется, тоже заброшенному, но там легче найти укрытие и ночлег, а то и еще одну заначку каких-нибудь бродяг. Впрочем, находиться рядом с этой ужасной штукой, а тем более идти рядом с ней Аня не хотела: свою порцию незабываемых ощущений она получила на всю остав-

шуюся жизнь. Поэтому, как только девушка почувствовала в себе силы идти дальше, она отправилась прочь от этого нехорошего места через лес, но зато не рискуя потерять голову. В памяти всплыл рассказ проводника о людях, идущих в Зону без должной подготовки и знаний; о том, как часто они пропадают без следа, а потом сталкерам попадаются безумцы без памяти и самосознания. Возможно, эти несчастные забредают в аномалии, похожие на эту?

Аня вдруг остановилась посреди леса. Ее посетила пугающая мысль: как понять, в своем ли ты уме? Что, если она уже свихнулась, но не осознает этого? Девушка сжала кулаки и ощутила сильную тупую боль в исцарапанных ладонях – их она повредила, когда бежала через лес из деревни, в которой провела две ночи, встретила сталкеров, бегала от свиней, пыталась срезать противогаз, который по глупости надела и чуть не умерла от радиации, а в деревню пришла, убегая от ненормального проводника, по пути потеряв друзей и увидев смерть одного из них, а в Зону попала с экскурсией... Нет, она все помнила: кто, что, откуда, детали пути и прочее. Значит, с головой все в порядке. Аня расслабилась и даже робко улыбнулась. Она в норме. Можно идти дальше.

Стоило отойти от просеки, как лес вновь ожил: беззаботно щебетали птицы, шумел ветер в ветвях, копошилась живность в лесной подстилке, кружила в воздухе надоедливая мошкара. Привычная природа сосуществовала с пятнами повышенной радиации, мутантами, аномалиями, выстроив новую систему цепочек и взаимодействий между элементами изначального мира и нового. Зона стала своего рода полигоном усиленного курса по искусству выживания для тех, кто приходил извне, будь то человек или любое другое животное. Она давала большее разнообразие территорий, условий жизни, фауны и флоры, но и опасностей таила в себе ровно столько же.

По пути Аня неоднократно замечала печально знакомый серый мох, уютно громоздившийся на старых соснах. В некоторых участках леса он образовывал целые колонии, облепляя стволы и ветки деревьев и придавая им сходство с большими мохнатыми великанами, навсегда застывшими в одной позе. Такое соседство явно не шло деревьям на пользу – практически все они были мертвы, с осыпавшейся корой и без свежих побегов. А может, токсичный мох как раз и селился на мертвых или умирающих деревьях?

Места с особым засильем опасной растительности Аня обходила стороной: там даже воздух имел странный и неприятный запах, едкий, словно хлорка. Животные тоже избегали таких мест, и Аня следовала их примеру. Несколько раз она встречала «воздушные пузыри» – подобие аномалии из деревни, тоже одиночные и небольшие. Один уместился прямо в земле, образовав идеально круглую воронку, на дне которой собралась лужица. В воде наряду с лесным мусором угадывались останки местных животных: перья, кости, шерсть. Встречались и более тревожные вещи: на некоторых деревьях кора была содрана, и древесина топорщилась в глубоких бороздах, на земле виднелись хорошо читаемые следы крупного зверя. В таких местах Аня чувствовала густой и насыщенный запах опасности, старалась вести себя тихо и как можно скорее уходила оттуда. Единственное животное, которое приходило на ум при виде следов, – медведь, но Аня боялась даже предположить, во что Зона могла превратить этого огромного и свирепого хищника.

Однажды она спугнула небольшую стаю косуль и заворуженно наблюдала, как быстрые животные ускакали в чащу. Кабанов в этой части леса не попадалось вовсе.

К вечеру деревья поредели, и девушка вышла к новому селению. Во всяком случае, в свое время этот участок земли был им, о чем говорили кучи расколотой черепицы, досок и арматуры на черной выгоревшей земле. Очевидно, когда-то деревня сгорела, но масштаб пожара поражал: чернота занимала собой территорию как минимум на километр вперед и явно им не ограничивалась. Подойдя ближе, Аня обнаружила еще один интересный факт: здесь было тепло, будто пожар только недавно закончился. Могло ли быть такое? Гипотетически да, но на деле же все выглядело слишком сомнительно. Девушка снова ощутила трепет невидимой

струны в груди и неестественный контраст, будто пришла из комнаты с кондиционером в комнату с печным отоплением. От поверхности земли исходило тепло, кучи недогоревшего мусора едва различимо тлели, сыростью здесь и не пахло. Складывалось впечатление, что деревня все еще горит, но как-то странно, медленно и неравномерно. Поначалу Аня подумала про торф, ведь сообщения о горящих торфяниках часто мелькали в новостях, а что еще может гореть в земле? Уголь? Скучные знания подсказывали девушке, что это ископаемое добывают с гораздо больших глубин и его не так легко поджечь. Впрочем, теория с торфом тоже не прокатывала – при горении он сильно дымил, а тут дыма не было. Еще одна большая аномалия?

Аня уже видела аномалии, рвущие предметы на части, аномалию, выжигающую мозги, и аномальные ядовитые растения. Что на этот раз? Огненная? Перед ней лежало внушительное пепелище, так что да, похоже на то.

Какие еще странности попадутся ей на пути? Аня даже почувствовала легкий азарт и любопытство, словно игрок, открывший для себя новую неизведанную локацию. Если воспринимать происходящее именно в таком ключе, то это даже интересно. А что? Сейчас она осмотрится тут, отоспится ночью, потом пойдет дальше, найдет что-то еще более любопытное, а там, глядишь, добредет и до границы. Все не так уж и сложно: аномалии она видит и чувствует (какая разница, как это у нее получается), дикие хищники ей не попадаются, а от вооруженных местных она прячется. О последствиях облучения Аня предпочитала не думать: не проявляются – и ладно.

Прибавив себе таким образом уверенности, она пнула мелкий закопченный булыжник. Тот отскочил в сторону, ударился о фрагмент кирпичной кладки – остатка одного из домов, и приземлился в паре шагов впереди. Аня занесла ногу для следующего шага, а через секунду ей в лицо ударила волна обжигающего жара, с ревом взметнувшегося из места, куда упал камешек. Струя пламени ослепила девушку, та отпрянула, зацепилась ногой за мусор и упала на горячую и черную от сажи землю. Сбитые ладони обожгло, Аня зашипела, вскочила и попятилась назад, закрывая голову руками. Противогаз вновь помог – глаза и лицо не пострадали, только немного запеклась поверхность резиновой маски и обгорели волосы, торчавшие из-под нее. Аня попыталась протереть стекла – только больше запачкала их сажей, налипшей на пальцы.

Вот тебе и взбодрилась. Вот тебе и легко и просто. Расслабилась. Поверила в удачу и свою приспособленность. А как же, пару дней пофартило, и уже почувствовала себя частью Зоны. Еще немного, и прожарилась бы до хрустящей корочки!

Серьезных ожогов она не получила, но изучать деревню дальше быстро расхотелось. Аня обошла пепелище по большой дуге, благо поблизости нашлась узкая тропинка, протоптанная местным зверьем (теплая аномалия явно привлекала их в холодные ночи), и увидела маленький водоем, больше похожий на большую округлую лужу. Теплая земля нагрела в нем воду, и Аня смогла с комфортом смыть с себя грязь и сажу, промыть раны на руках и лице.

Вся эта возня отняла у девушки немало времени, и намокшую одежду она досушивала уже в сумерках, бросая камни в ближайшую аномалию, злобно плюющую в небо столбы огня после каждого попадания. Под конец совсем стемнело, и от земли шло зловещее оранжевое свечение, местами вспыхивали крошечные язычки пламени и взлетали искры. Впереди, за редкими деревьями Аня еще при свете заприметила какие-то постройки, не тронутые огнем, и решила попытать счастья там.

В потемках, практически крадучись, девушка добралась до первого маленького домика и прошмыгнула внутрь. В нос ударили знакомые запахи сырой земли и плесени. Ничего общего с домом, в котором она провела прошлую ночь, но возвращаться в темноту снаружи Аня побаивалась: слишком много странных шумов, источника которых она не могла видеть, доносилось оттуда. Ночь с детства пугала ее, и этот страх перебороть не получалось.

Дом оказался маленьким, на две комнаты, без прихожей и без чего-либо полезного внутри. Чердака, как назло, тоже не было. Какое-то подобие досок под крышей Аня разглядела, но устроиться там не представлялось возможным. Придется искать укрытие на полу.

Обшарив комнаты, Аня обнаружила в самой маленькой вполне уютный угол за пирамидой из деревянных ящиков, набитых грязным хламом. Судя по запаху, в нем водились мыши. Этот факт немного успокоил девушку: наличие живности давало слабую иллюзию безопасности.

Аня села в углу и обняла руками худые колени. День прошел насыщенно, и впечатлений она получила больше, чем за всю свою жизнь. Обстановкой дом смутно напоминал тот, в котором она спряталась в первый раз. Тогда ее била истерика, ужас после встречи со смертью лицом к лицу, а сейчас Аня чувствовала удивительное спокойствие, если не сказать – безразличие. Казалось, ее приход в Зону, конфликт их компании с проводником и смерть Степана произошли очень давно, не меньше месяца назад, хотя по факту прошло всего два дня. Все, что было до, осталось снаружи, за периметром, как сон, нереальное, будто из другой жизни. Все, идущее после, цвело новыми красками, настоящими, пронизывало каждую клетку ее тела, жило и заставляло жить ее саму.

Аня прикрыла глаза и прислушалась к звукам за окном. Зона продолжала активность, переведя себя на другой уровень восприятия. Дневные голоса сменились ночными, плавно перетекая друг в друга, из беззаботно-суетливых став тревожными и отрывистыми, пронзительными, низкими и пугающими. Какие-то приносило ветром издалика из самых глубин леса, какие-то раздавались совсем близко, чуть ли не под окнами. Но теперь Аня не чувствовала страха, она снова ощутила то же, что и утром в лесу: звуки затягивали, и ей это нравилось.

Частый и резкий топот выдернул девушку из накатившей было дремы и заставил вздрогнуть. Она втянула носом воздух и услышала посторонний запах, показавшийся ей знакомым, но вспомнить его никак не получалось. Запах ей не понравился. Аня поморщилась и с досадой осознала, что не заперла дверь. Ну что за бестолочь? Кто бы это ни был, он зайдет и почует, где она спряталась.

Аня напряглась и вжалась в угол. Сама того не понимая, девушка заняла типичную оборонительную позу, в которой удобнее всего отбиваться и защищать уязвимые части тела: живот и шею. Семенящие шаги были все ближе, и Аня готовилась встретить незваного гостя со всем радушием.

Цок-цок-цок – застучали когти по деревянному настилу дома, и на середину комнаты вышла крупная собака. В слабом свете, льющемся из окна, ее взъерошенная шерсть казалась темно-серой. Зверюга опустила лобастую голову и принялась обнюхивать пол. С шумом вдыхая пыль, она приблизилась к углу, в котором притаилась девушка, на расстояние двух-трех шагов, и Аня услышала запах сырой собачьей шерсти, тот самый, что не могла вспомнить несколько минут назад. Находясь достаточно близко, собака, похоже, не замечала сидящего напротив человека, а только настороженно нюхала воздух. Оно и не удивительно: даже в сумраке помещения было хорошо заметно, что у животного проблемы с глазами. Один глаз отсутствовал вовсе, а на месте второго сросшиеся веки образовали уродливую заплатку, влажно блестящую в темноте.

Аня любила собак, даже подумывала завести себе щенка, чтобы наконец добавить себе физической активности, выгуливая его по три раза в день и играя с ним на площадке. Увидев она собаку с поврежденными глазами на улице города, испытала бы жалость и сочувствие, сообщила бы о ней зооволонтерам, возможно, вынесла бы бедолаге еды. Но то была другая Аня, не знающая, что такое голод и страх смерти. Новая – знала и не испытывала к собаке ни капли жалости. Она видела перед собой опасного врага, посмеявшегося забраться в место, которое девушка выбрала себе в качестве ночлега, и не собиралась уступать.

Собака первой обозначила себя, издав низкое клочущее рычание. Она не решалась подойти ближе, очевидно, не до конца понимая, кто перед ней находится. У существа, засевшего в углу, был слишком запутанный запах: знакомый и неизвестный одновременно, и животное не могло определиться, как себя вести.

– Уходи! – хотела крикнуть Аня, но из горла вырвалось что-то похожее на хриплое «уои». Собака прижала огрызки ушей к голове и зарычала громче.

– Вон отсюда! – Снова слова исказились, превратившись в длинное «О-ооон», а последнее слово не прозвучало вообще: в горле что-то щелкнуло, и его скрутило спазмом. Аня закашлялась, схватила с пола обломок доски и швырнула его в собаку.

Проваливай, зараза! Не видишь, и без тебя тошно!

Деревяшка стукнула зверя меж ушей и отлетела назад. Тот оскалился, обнажив острые желтые клыки, и громко залаял. В ту же минуту за ним появились еще две собаки, а цокающий топот выдавал присутствие еще нескольких. Все были как на подбор: ободранные и уродливые. И, несомненно, голодные. Присутствие сородичей придало первой собаке уверенности, и та шагнула вперед.

Аня ударила кулаком по полу и попыталась крикнуть «нет!», но у нее получился лишь хриплый свист, от которого в горле зачесалось и снова пришлось кашлять. Кашель был глубокий и вибрирующий, остальные собаки прижали уши, ошетинились и занервничали. Но не первая. Судя по всему, она являлась вожаком, и спасовать перед лицом всей стаи, пусть и небольшой, позволить себе не могла. Окончательно решив, что животное, издающее столь слабые и болезненные звуки, не может представлять серьезной опасности, собака метнулась вперед, целясь поближе к голове, которую девушка изо всех сил вжимала в плечи.

Аня отреагировала сразу. Это был больше рефлекс, чем осознанное действие, поступить иначе в той позе, в которой она сидела, было бы куда сложнее. Девушка резко разогнула ногу и ударила подошвой прямо в собачий нос. Псина отпрыгнула в сторону, скуля и мотая головой. Остальная стая в сомнении попятилась. Аня поняла, что нужно действовать именно сейчас, пока преимущество на ее стороне. Она вскочила, толкнула ящики так, что те с грохотом упали поперек комнаты, отгородив ее и вожака от стаи, а затем, пока собака сконфуженно крутила башкой, изо всех сил ударила ее ногой еще раз, отбросив к стене. Остальные животные попятились к выходу. Несколько псов убежали сразу, испугавшись шума падающих ящиков, но другие, посмелее, еще оставались.

Аня принялась швырять в них обломки досок и мусор с пола, она пыталась кричать, но лишь сиплые нечленораздельные звуки вырывались из горла, еще больше раздражая его и вызывая неприятный зуд. Бросив очередной кусок кирпича, девушка сорвалась на кашель, не в силах больше терпеть эту едкую чесотку в груди и понимание того, что, возможно, лишилась голоса. Она хотела спокойно провести ночь в этом не слишком приятном месте, она устала, чуть не свихнулась, чуть не сгорела, а теперь еще и эти собаки, будь они неладны! Ну какого черта их сюда занесло? И этот мерзкий кашель... Какого черта? Почему она не может ни слова сказать нормально? Что стало с ее голосом? Что за зудящая дрянь мешает ей говорить?!

Аня не просто кашляла, а яростно, со злостью выталкивала воздух из легких, до боли сжимая грудную клетку, словно в ней поселилось нечто, отобравшее у нее дар речи. В груди хрипело и клочотало, ребра болели, но девушке уже было все равно – ею овладела безумная злоба и отчаяние животного, загнанного в угол. Ей было плевать, что своими действиями она может навредить себе, более того, в какой-то мере ей даже хотелось этого. Она не могла достать того, по чьей вине оказалась в таком положении, и направляла всю ярость на себя.

Аня сделала очередной вдох и внезапно поперхнулась. В горле влажно хлопнуло, грудь свело рефлекторным спазмом, и с выдохом наружу вырвался низкий вибрирующий звук, похожий на болезненный надрывный рев. Воздух в легких закончился, и Аня онемела.

Оставшихся собак, тех, что сомневались, убежать или поддержать жожака, как ветром сдуло. Скуля и прижимаясь к земле, они вылетели вон из дома, сбивая друг друга с ног и хаотично толкаясь. Через секунду наступила тишина, словно их тут никогда не было. Замолчал даже жалобно скуливший у стены жожек.

Ане же было не до них. Девушка осела на пол, прижав руки к груди, где, по ее ощущениям, легкие превратились в кашу, и пыталась снова начать дышать. Как только она начала задыхаться, всю ярость как рукой сняло, а с болью, рвущей ее ребра, так и вовсе лучше бы ее собаки сожрали. Легкие трепетали от болезненных спазмов, но дышать все же получалось, хоть и с пугающими хрипами. Что именно Аня умудрилась себе повредить во время приступа и во что это выльется потом, девушка даже предположить боялась. Когда же ей слегка полегчало и она увидела, что собаки сбежали, все, чего ей хотелось, это свернуться в углу и заснуть.

Аня заползла за ящики и легла, прижавшись к стене. Боль в груди медленно, но стихала, дышать становилось проще. Возможно, к утру совсем пройдет. Собака у противоположной стены лежала совсем неподвижно и, казалось, даже не дышала. Ну и черт с ней. Аня прикрыла глаза и попыталась заснуть. Примерно час спустя ощутимо похолодало. Девушка уже почти задремала, когда снова ощутила постепенно нарастающий тремор, как и прошлой ночью. Теперь же к нему добавилась боль в груди и горле. Аня попробовала расслабиться, но в этот раз озноб был сильнее, и трюк не срабатывал, сколько она ни пыталась.

В какой-то момент девушке на ум пришла странная, но в сложившейся ситуации вполне разумная мысль. Аня вылезла из своего угла и направилась к притихшей собаке. Та, услышав приближение более сильного существа, оживилась, зашребла лапами по полу и попыталась уползти, но, видимо, повреждения, полученные ею, не давали нормально двигаться, и животное могло только барахтаться и скулить. Аня ухватила паникующую псину за шею и потащила в свое укрытие. Там она легла, втиснувшись в угол плотнее, и прижала скулящую собаку к себе. Та молотила лапами по полу, сопротивлялась изо всех сил, но девушка только крепче сжимала ее тело. Оно было теплым, а ей хотелось хоть немного согреться. Аня вцепилась в животное мертвой хваткой, игнорируя все его протесты.

Вскоре собака затихла. Она либо исчерпала все силы, либо ее состояние, которое и до этого было не самым лучшим, усугубилось. Поначалу она тихо поскуливала, а потом и вовсе замолчала, и только тяжело вздымающийся бок выдавал в обмякшем теле признаки жизни. Аня ничего этого не замечала – она спала.

* * *

Ночь прошла беспокойно. Аня видела сны: хаотичные, смятые и рваные, словно старые фотографии, на которых уже не распознать цвета и лица, немного тоскливые и неприятные. Знакомые голоса, образы, события: далекие, из посторонней счастливой жизни. Чужая радость и беззаботность, те самые, что едва не стоили Ане жизни. Этой, нынешней Ане. Беспольные. Почему никто не додумался застрелить проводника?

Аня открыла глаза. Матово-серый свет сочился из окна напротив. Перевалившись через подоконник, будто старая тряпичная кукла, мутными, как у дохлой рыбы, зрачками на нее глядел Степан. На его лице застыло то же выражение, что девушка видела в последний миг его существования, только кожа на распухшей голове была синевато-серой, под стать здешнему небу. Вокруг открытого рта беспорядочно бегала муха с блестящим изумрудным пузом. Еще одна копошилась в щели между зубами и верхней губой, от чего та слегка шевелилась, и казалось, что Степан собирается вот-вот чихнуть.

Аня молча рассматривала эту картину, пока сон не ушел окончательно, и ее друг, которого здесь быть не могло, превратился в изъеденный мышами и молью ватник, забытый кем-то в окне. Просто видение.

Собака, еще живая и теплая вчера, к утру стала похожа на чучело работы неумелого таксидермиста: окоченела и застыла в нелепой позе, скрюченная и помятая. Аня оттолкнула ее от себя и осторожно встала. В отличие от прошлого раза сейчас это удалось девушке гораздо проще. Очевидно, «грелка» сыграла свою роль, и весьма неплохо. За ночь боли ушли, но проверять голос Аня пока поостереглась. Ее останавливали не столько болевые ощущения, сколько перспектива услышать вместо своего голоса что-то другое...

Новый день принес не только свет и тепло, но и чувство голода. Девушка отправилась осматривать местность в надежде что-то найти. Варианты, где ей пришлось бы что-то поймать, пока не рассматривались, и вообще ее подташнивало от одной мысли о том, что рано или поздно придется есть сырое мясо.

Как оказалось, пожарище заняло не всю деревню и часть домов уцелела. Маленькие домики теснились на самой окраине среди редких покореженных деревьев и лысых кустов. Грязные и заброшенные, они были сплошь засыпаны пожухлой листвой и насквозь провоняли дымом и пеплом. Сырость тут почти отсутствовала, и хотя запах ее улавливался, внешне признаки гниения никак себя не проявляли. Близкая аномалия высушивала почву, и для большинства здешних растений весна могла и не наступить. Но даже несмотря на столь жесткие условия, на некоторых ветках упрямо громоздились уже полопавшиеся почки.

Аня обходила один дом за другим, тщательно проверяя их на наличие тайников, но безрезультатно. В комнатах не наблюдалось даже отдаленных намеков на чье-либо недавнее присутствие: ни следов обуви, ни обустроенных под ночлег уголков. Нет, дома были вполне обитаемы: шуршали мыши, бегали насекомые, летала мошकारа. Под потолком одного из домиков Аня нашла птичье гнездо с парой свежих яиц. Небольшая птаха, громко стрекоча, вылетела в окно и возмущенно трещала, прыгая по веткам соседнего дерева и беспомощно наблюдая, как девушка в противогазе грабит ее гнездо.

Аня не любила сырые яйца, но эти выпила с удовольствием и даже пожалела, что птица снесла всего два. Голод немного утих, но этого надолго не хватит. Девушка с тоской вспомнила вчерашний завтрак из тушенки с хлебом.

В других домах не нашлось даже гнезд. Аня заглядывала во все углы, шкафчики, если таковые имелись, и полки, но не видела и не чуяла ничего съедобного. В какой-то момент она удивилась тому, как тут выживают звери, но уже и так знала ответ. Еды вокруг полно. С той лишь разницей, что она не приготовлена и не упакована. Да, без соли и приправ, живая и бегает, но от этого не перестает быть едой. Тем не менее Аня решила, что оголодала не настолько, чтобы ловить и есть мышей или кого-то еще. С другой стороны, она только что лишила птичку ее потомства, съела ее потенциальных птенцов. Где та грань между человеком и диким животным? На этот вопрос девушка ответить не могла, но чувствовала, что осталось совсем немного до того момента, когда она подойдет к этой грани вплотную и в итоге переступит ее.

* * *

Эта часть поселка выглядела странно. Между домами не было заборов, а участки почти не имели плодовых деревьев, как будто не рассчитывались на круглогодичное заселение. Возможно, это что-то вроде сезонных домов? Дачные участки? Или, может, лагерь? Да и какая разница? Аня думает об этом лишь для того, чтобы отвлечься от реальных проблем, например от того, что скоро умрет. Каждый час приближает ее к ужасному мучительному концу, когда ее тело начнет разваливаться, отмирать, переваривать само себя, гнить по частям, постепенно, понемногу. Это Степану повезло: он умер быстро, хлоп – и разлетелся, как мешок с костями. А утром он появился в окне, чтобы позлорадствовать, не иначе, показать: гляди, вот он я, отмутился, теперь мне не нужно есть, страдать от голода и жажды, бояться аномалий и радиации, а тебя, Анька, ждет то еще приключение! Я же говорил, что оно того стоит! Еще как!

Аня настолько углубилась в размышления, что не сразу заметила, как изменился мир вокруг. Невидимая струна в груди не просто звенела – она заливалась сиреной, сотрясая ребра и отдаваясь дрожью в конечностях. Что за ерунда? Аня осмотрелась, но не увидела поблизости ничего похожего на аномалии или нечто подобное. Все было тихо и спокойно, как обычно и... Девушка замерла.

Тишина. Вокруг стало не просто тихо, а, как говорят в подобных случаях, наступила мертвая тишина. Нет, ветер, как прежде, колыхал ветки и шуршал опавшей листвой, но замолчала вся живность: ни шороха мышей, ни пения птиц, даже та обиженная трещотка, тархтевшая все это время позади, куда-то провалилась. Окрестности будто вымерли, а девушка даже не заметила, когда это произошло!

Аня ощутила мерзкий щекочущий страх. В ее голове сама собой сложилась логическая цепочка: тишина, как в доме после ее странного кашля; собаки замолчали, испугались, убежали – испугались! – но сейчас она молчала, значит, есть кто-то другой, кому не надо подавать голос, чтобы его боялись. Кто? По спине пробежал неприятный холодок, и Аня метнулась к ближайшему дому, прижалась к стене и прокралась до угла, но внутрь заходить не стала. Почему-то именно сейчас ее посетила уверенность, что, спрятавшись в замкнутом пространстве, она загонит себя в ловушку. Она точно знала, что прятаться надо снаружи, но почему? Что заставляет ее чувствовать тревогу? Аня не видела источника этих ощущений, их причины, и от этого нервничала еще больше.

Держась ближе к стенам и петляя между домиками, девушка отходила все дальше от пожарища, не забывая прислушиваться к своим ощущениям – они уверяли, что Аня все делает правильно. В конце поселка простирался небольшой пустырь, куда те же ощущения соваться категорически не рекомендовали, и Аня поняла, что придется переждать где-то здесь. Чувство опасности внезапно возросло. Аня запаниковала и завертелась, инстинктивно ища, как бы забраться повыше. Крыша представлялась идеальным вариантом. Девушка потопталась внизу, примериваясь, присела и подпрыгнула, ухватила за козырек, подтянулась – сверху посыпались ошметки толстого слоя мха и листьев, но она продолжала упорно карабкаться вверх. Когда Аня добралась до узкой трубы со сбитым верхом, казалось, она наделала столько шума, что услышать можно было с другого конца деревни. Усевшись между трубой и крышей, она снова прислушалась: мир, как и раньше, не подавал признаков жизни, но и звон в груди не усиливался.

Аня осторожно огляделась. Ей все же хотелось понять, что произошло, а с высоты нынешнего укрытия сделать это было проще. Но как девушка ни всматривалась в соседние здания и заросшие бурьяном огороды, по-прежнему не видела ничего примечательного. В итоге, набравшись смелости, она подобралась к коньку крыши и выглянула на главную улицу. Отсюда хорошо просматривалось пепелище и широкая дорога к нему с редкими голыми деревьями. На много метров вперед – ни души, и только на границе между аномалией и первыми домами плавно двигался темный силуэт.

Аня напряглась. Нет сомнения, это и есть то самое, от чего она прячется. Даже несмотря на приличное расстояние, в нем угадывалось крупное животное. Очень крупное. Оно не спеша двигалось в Анину сторону, совершенно не опасаясь идти по открытой местности. Не видя его в деталях, Аня безошибочно определила зверя как хищника, которому нечего бояться. И это пугало еще больше.

Девушка вжалась всем телом в холодную, покрытую листвой крышу, и неотрывно наблюдала за существом. Когда между ним и Аниным укрытием осталось каких-то полсотни метров, зверь остановился. Отсюда Аня уже могла его хорошо рассмотреть, и увиденное заставило ее оцепенеть.

Животное размером с большого льва уселось на теплую, нагретую аномалией землю и лениво почесало себя за ухом, имитируя кошачьи жесты. Его тело, равномерно поросшее

короткой и плотной оливково-коричневой лоснящейся шерстью, было длинным и гибким, наполненным силой и грацией. Зверь поднял крупную широколобую голову с продолговатой мордой и лениво принялся. В этот момент Аня молилась, чтобы ветер не переменился и продолжал дуть в ее сторону. Хищник тряхнул короткими ушами и вальяжно потянулся. Он напоминал большую кошку, которую скрестили с соболем или выдрой, всем своим видом показывая, что эти сходства никак ему не вредят, а лишь идут на пользу. Он здесь полноценный хозяин, а остальное – декорации, существующие только для того, чтобы выделить все его достоинства. Тело животного не имело изъянов или хотя бы незначительных дефектов. В отличие от кабанов или собак, которым изменения в организме доставляли заметный дискомфорт, пусть они к нему и привыкли и научились с ним жить, даже извлекая из него пользу, этот огромный кот был совершенен. Если по остальным мутантам, виденным Аней ранее, легко можно было определить степень вмешательства Зоны в их биологию и примерно проследить путь их изменения, то это существо словно родилось таким с самого начала: ничего ни отнять, ни прибавить. Мутант или полноценно сформировавшийся новый вид?

Аня поняла, что смотрит на зверюгу со смесью животного страха и восхищения. Наверное, нечто подобное испытывали первобытные люди при виде саблезубого тигра. Человек хоть и умен, но слаб, а более сильные звери всегда были предметом его восхищения и некоторой зависти. Недаром их обожествляли и делали идолами, просили даровать человеку силу, скорость и прочие важные для выживания качества.

Аня не хотела от кота-выдры никаких бонусов и не собиралась слагать ему гимны, как это делали ее далекие предки, выплясывая вокруг костра. Аня хотела только одного: чтобы он ее не заметил, потому что с досадой осознала: пожелай зверь до нее добраться, особого труда ему это не составит. Никакой защиты у нее на самом деле нет.

Тем временем кот грациозно вывернулся и плюхнулся на бок, взмахнул большими лапами, подбросив в воздух ворох сухой листвы, поймал несколько отдельных листьев. При этом он растопыривал пальцы и ловил движениями, уж очень напоминавшими человеческие, и, если бы не наличие длинных когтей размером с мясницкий нож, можно было бы подумать, что это не лапы, а руки в меховых варежках. Разбрасывая листья, зверь катался по земле, заметая тугим хвостом пыль и камешки, извивался и потягивался.

Аня любовалась им и в то же время боялась сделать лишний вдох.

Вдоволь наигравшись, кот-выдра встряхнулся, сбросив с гладкой шерсти облачко пыли и широко зевнул во всю пасть. От этого зрелища у Ани похолодело в желудке: идеально ровные и целые, острые со здоровой желтизной зубы заполняли его рот от края до края. Зверь довольно облизнулся и внезапно посмотрел прямо на Аню.

У девушки остановилось сердце. Он смотрел прямо на нее! Как он мог ее заметить? Где она себя выдала? Она ведь не шевелилась, почти не дышала, даже ветер дул в ее сторону, а угол крыши скрывал ее полностью! Неужели почуял? Почуял так же, как она его в самом начале? Что, если он знал о ней заранее, еще до того, как пришел сюда? Аня окаменела, словно вся ее кровь мгновенно испарилась или превратилась в лед. Глаза кота, округлые, горчичного цвета, смотрели на нее и улыбались.

Зрительный контакт длился недолго, меньше секунды. Зверь глянул в ее сторону мельком, вскользь, как обычно смотрят на пассажиров в вагоне или на встречных пешеходов на улице: ты их видишь, они есть, но интереса они не вызывают. У Ани же за это время вся жизнь пролетела перед глазами. Но кот отвернулся, пошевелил ушами и уже заинтересованно смотрел совсем в другую сторону, затем поднялся и бесшумно направился к пожарищу, а вскоре и вовсе пропал из зоны видимости, слившись с окружением.

Аня зажмурилась и пролежала так еще как минимум час, а то и больше – у нее не было часов, чтобы определить точное время. Ей казалось, что огромный хищник решил с ней поиграть и вот-вот возникнет рядом с домом, прыгнет на нее, легко преодолев ничтожное рассто-

яние от земли до крыши. Она пробыла в оцепенении до тех пор, пока где-то неподалеку не затрещала та самая птица. Этот звук Аня восприняла как дар свыше, поскольку означать он мог только одно – опасность миновала. Только теперь девушка позволила себе вдохнуть полной грудью и немного расслабиться. Мышцы одеревенели и ныли от неудобной позы, но ее не волновала подобная ерунда. Ей удалось избежать еще одной серьезной опасности, буквально посмотреть ей в глаза и при этом остаться живой. Может быть, ей только показалось, что хищник посмотрел именно на нее, в конце концов, он был далеко, и Аня могла ошибиться, к тому же страх подогревает воображение, так что вполне возможно, на самом деле зверь не видел ее вовсе, а все остальное Аня со страху придумала. Сейчас, когда опасность миновала и мозг девушки мог рассуждать здраво, такой вариант выглядел наиболее реалистично.

Как люди могут жить рядом с такими существами? Этот кот запросто расправился бы с двумя недавними Аниными соседями, она даже не сомневалась. Да, у них оружие, но такой туше потребуется не один и не два выстрела в упор, чтобы хотя бы замедлить ее. А за это время хищник успеет порвать их амуницию в тряпки, с такими-то когтями! Как можно спокойно жить и ходить на ту же охоту, зная, что по соседству бродит такой вот котик? И ведь он наверняка не один такой. Чем сталкеры защищаются от них? Огнестрелом? Да тут только гранатомет поможет!.. Но, с другой стороны, есть же страны, где люди живут рядом с подобными хищниками, видят их почти каждый день, и ничего. Та же Индия, например, или Африка – живут как-то. Может, и тут так же? В конце концов, не станут же они целенаправленно охотиться именно на людей, когда вокруг есть более доступная еда.

Аня спустилась вниз и немного размялась. Судя по скудному источнику освещения где-то прямо над головой, на крыше она проторчала до обеда, потеряла полдня. Ну и летит же время!

За домами начинался небольшой пустырь с парой-тройкой шаровидных аномалий, уныло гонявших мелкий мусор внутри себя, а дальше – снова лес. Сейчас этот путь не казался Ане опасным или нежелательным. Вообще, она решила повнимательнее прислушиваться к своим ощущениям, ибо в последнее время они все чаще выручали ее, и не слишком уходить в себя, дабы снова не проворонить эти самые ощущения. В этом поселке не нашлось ничего съедобного, кроме яиц трескучей птицы, да и те – так себе перекус. Голод уже вновь дал о себе знать, а значит, нужно идти дальше. И Аня шла.

Глава 4

За свое не слишком долгое путешествие по Зоне Аня уяснила три вещи: нужно быть готовой ко всему, привычные нормы морали не действуют, 90 % Зоны занимает лес. При этом первый пункт умещал в себе следующие два, так что, в принципе, если ты готов ко всему (хотя бы морально), тебе уже будет проще. Прежде Аня и представить себе не могла, что смена окружения настолько влияет на человека, на его характер, на мировосприятие. Что вообще можно понять, всю жизнь сидя в одной обстановке? Невольно вспоминалась старая поговорка о том, что не место красит человека, а человек место. Хотелось бы посмотреть, как автор сего высказывания будет красить Зону! И как быстро она раскрасит его до неузнаваемости. Не место, ага...

Девушка бродила по Зоне всего три дня, но уже не смогла бы сказать, что вернется домой прежней и будет вести обычную жизнь. Если, конечно, вернется. Живой. Но даже если на секунду представить, что все сложится достаточно удачно и она не умрет от облучения (ну вдруг), не попадет в лапы зверя или в еще какую-нибудь хитрую аномалию, то как она будет жить после? Попробует все забыть? А потом каждую ночь видеть кошмары? Или подсядет на препараты, а потом... скорее всего, с друзьями она рассорится. Опять же, если они выберутся. Ведь с самого начала вся затея с экскурсией дурно пахла. Теперь Аня это понимала так ясно, что даже немного испугалась. Как она не поняла это тогда, когда они всей компанией обсуждали планы, сидя во дворе? Чем она вообще думала? Если бы только Аня могла вернуться в тот момент, хватанула бы бутылку и врезала Степану по его тупой башке! Ладно еще Ленка, у той отродясь в черепушке мозгов не водилось, но почему Катя согласилась? Всегда умная и рассудительная, что с ней-то пошло не так? Кого она хотела впечатлить? Аня вдруг поняла еще несколько вещей, с которыми все стало настолько очевидно, словно ей сняли пелену с глаз. Она не могла сообразить только одного: почему все выяснилось только сейчас и здесь, когда она рефлексит, пробираясь сквозь лес, и почему не поняла этого раньше.

Ее друзья и впрямь оказались идиотами. Такими клиническими идиотами, что полезли черт знает куда без подготовки и черт знает с кем, лишь бы удовлетворить собственные амбиции и выпендриться друг перед другом. Степан, глупый деревенский простачок, еще в раннем детстве переехал в город, слился с ритмом, привык, обзавелся друзьями, но как был хлопцем, так им и остался. Обаятельный и представительный Димка всегда был предметом его зависти – свой в любой компании, привлекательный и типичный городской – мечта всех девчонок, они висли на нем гроздьями, оставляя несчастного Степана в тени. Как ему хотелось хоть немножечко его уесть, подколоть, задеть, показать всем, что не такой уж он и крутой. Он, Степа, ничем не хуже! Оттого и терся весь путь подле проводника, всячески показывая, какой умный и способный. Прямо настоящий сталкер! А еще ему давно нравилась Ленка. Вот уж угораздило. Ленка хоть и глупа, но Димку любила по-настоящему и потащила за ним в Зону вопреки всем своим хотелкам. Диму такое положение вещей устраивало. Лена ему нравилась, возможно, он даже полюбил бы ее. Потом. Если бы все сложилось иначе. Катя тоже питала чувства к Димке и в Зону отправилась, рассчитывая, что в первый же день его девушка начнет капризничать, вымотает парню мозг, а Катя будет тут как тут, мигом перехватит инициативу. Ну правда ведь, зачем ему эта пустышка крашенная?

А вот Аня...

Аня пошла за компанию, чтобы провести выходные с друзьями, как раньше, когда они еще детьми дурачились во дворе, когда все было общее, без дележки на свое и чужое. Только дети выросли, и каждый из них стал играть в своей песочнице и по своим правилам. Аня же воспринимала их компанию, как и несколько лет назад, вплоть до сего момента. А когда взглянула трезво, отбросив чувство ностальгии, то поняла, что все время была в их обществе, как у

собаки пятая нога – лишней. Каждый из ее друзей шел в Зону, дабы что-то кому-то доказать, да и весь поход был плодом соперничества глупых подростков. Но глупости далеко не всегда сходят с рук.

Аня одновременно и злилась, и жалела их, ведь в случившемся виноваты были все поровну, в том числе и она сама.

* * *

Спустя час пути лес открыл еще одну просеку, на сей раз обычную, всеми забытую. Ее полоса оказалась заболочена, заросла сплошь острой высокой травой, которая даже в сухом виде больно царапалась, и густым кустарником. Опоры погнулись, сломались под натиском погоды, лежали, утопая в воде и растительности, обглоданные ветром и сыростью, будто скелеты ушедшей цивилизации. Идти пришлось по кромке леса, куда не добиралась вода. Здесь же обнаружилось несколько новых аномалий. Одна выглядела как водоворот наоборот – вверх ногами: маленькая струйка воды тянулась вверх, закручиваясь по спирали, и терялась в воздухе. Таких аномалий было несколько, со струйками разной толщины и длины. Другая оказалась похитрее и походила на живое существо больше, чем на аномалию: ее выдавали пузыри на поверхности небольших округлых лужиц с мутной грязно-серой водой. Довольно крупные бульки всплывали как раз перед тем, как нечто выбрасывало на берега тоненькие белесые щупальца-корешки у самой кромки воды. Третья имела вид обычных сучьев, торчащих из болота тут и там, иногда собираясь в часток, но эти ветки были полые и как будто срезаны на конце. Из отверстия наверху сочился едва различимый дымок.

От низины тянуло сыростью и холодом, пахло размокшей землей и древесиной. И разумеется, такие места не могли не облюбовать насекомые. Здесь их было море. Если в лесу жужжащие кровососы встречались часто, то возле заболоченной просеки их концентрация просто зашкаливала. Воздух кишел комарами, мошками и разнообразными мухами, они попадались в аномалии, тонули в воде, даже ели друг друга, но численности не теряли. Это и стало основной причиной, по которой Аня решила держаться подальше от центра просеки. В первую же минуту ее окружил огромный рой, готовый сожрать девушку заживо. Она впервые столкнулась с таким пугающим количеством голодной мошкары, поэтому запаниковала, попыталась отмахаться, но куда там! Насекомых можно было ловить горстями, просто сжав ладонь, но, даже умирая, они продолжали кусаться. Потеряв бдительность, Аня чуть было не влезла в круглую лужу, из которой тотчас же выскочили ветвистые щупальца и отхватили немалую часть живого облака. После этого стая гнуса как-то быстро поредела, а в воздухе запахло кислятиной. Поверхность воды покрылась толстой маслянистой пленкой, в которой беззвучно скользили бледные нити. Аня поспешила убратся оттуда: зрелище ей не понравилось.

Скоро болото закончилось, и идти стало вполне сносно. Во всяком случае, мошкары значительно поубавилось, как и сырости. Чем суше становилась земля, тем чаще попадались опоры, сохранившие вертикальное положение. Провода с них давно оборвало и поглотило местным мусором. Вряд ли под слоем листвы и примятой растительности остались хотя бы следы от них. Аня не ела почти весь день, не считая двух мелких яиц, но в пути не попадалось ничего съедобного на вид. С водой проблем почти не было: девушка принаровилась выжимать воду из мха – та получалась чистой и приятной на вкус. Из водоемов пить она не решалась, пусть вода и выглядела прозрачной и безопасной. А вот с едой дела обстояли куда хуже. Аня боялась есть местные грибы и ягоды, особенно грибы, хотя их в лесу попадалось немало, даром что время года не особо соответствовало. Она нашла несколько ягод возле болота, но те оказались страшно кислыми и подсохшими и в пищу не годились совсем. Птичьи гнезда если и попадались, то чаще оказывались пустыми либо же находились высоко на деревьях, куда

девушка залезть не могла. Животных вокруг хватало, но Аня не настолько отчаялась, чтобы устраивать на них охоту.

Спустя еще какое-то время просека уперлась в песчаную насыпь, уже изрядно просевшую, размытую и поросшую сорняком. Когда-то по ней проходила дорога, теперь заброшенная и давно не используемая. Асфальт потрескался и раскрошился, из разломов проросли молодые деревья и кустарник, с радостью занявшие новые, свободные от конкурентов территории. Через дорогу просека продолжалась, но Аня предположила, что нашла путь к новому населенному пункту, а то и вовсе к выходу из Зоны, и решила свернуть. Уже через несколько минут она поняла, что ошиблась: остатки дороги вывели ее к свалке, такой же покинутой, как и путь к ней. Подойдя ближе, девушка увидела, что это не просто кучи мусора, а составленная как попало техника и ее обломки. В грудах покореженного и смятого металла уже невозможно было узнать, что это были за машины и как выглядели ранее: сваленные в кучу остовы техники частично занесло землей и листьями, а на открытых частях рыжими лепестками густо цвела ржавчина. Растений тут почти не росло, а ближайшие деревья были низкими и уродливыми, в наростах и узлах. Ржавчина отняла себе этот кусок земли и отравила его. Даже воздух пропах металлом, отогнав прочь всех живых существ.

Аня догадывалась, что это за техника и откуда ее пригнали. Девушка попятилась назад, почесывая внезапно проснувшиеся комариные укусы.

Вторая часть просеки оказалась под стать первой. Поначалу сухая и удобная, она внезапно превратилась в заросшее камышом длинное озеро, изредка прерывавшееся завалами из упавших сосен. Аномалий в озере не наблюдалось, но его ровная спокойная поверхность, зеленая от сплошного ковра из ряски, настораживала. Аня шла как можно дальше от берега, глядя на водоем из-под полога леса, и старалась шагать как можно тише.

Продвижение вдоль просеки отняло немало времени. Аня заметила, как небо начало темнеть, только когда вышла к еще одной насыпи, где сквозь листья и траву проглядывал не только песок, но и щебень. Взобравшись наверх, она обнаружила остатки шпал и рельсы, почерневшие от влаги. Везде, куда не добралась ржавчина, заселился рыжий и желтый лишайник, раскрасив черный металл яркими пятнами причудливой формы. Сочетание оранжевых кругов и черных полос между ними напомнило Ане классический знак радиационного заражения, который она видела на входе в Зону. Надо же, какое совпадение.

По ту сторону насыпи просека заканчивалась, и теперь открытыми оставались два пути, и оба отклонялись от изначального маршрута. Идти дальше на восток означало пробираться через лес на ночь глядя. Свернуть направо – в той стороне находилась свалка, и Аня сомневалась, что не выйдет опять туда же. Логичным решением было бы пойти влево, на север, и попытаться счастья там. Возможно, по пути встретится остановка или железнодорожная постройка, хоть что-то со стенами, где можно будет переночевать.

Аня прекрасно понимала, что все ее планы строятся на догадках и слепых предчувствиях, но ничего лучше она не могла придумать. Спать в лесу, забравшись на дерево, – девушка рассматривала такой вариант, но боялась замерзнуть ночью, случайно свалиться вниз и, как результат, что-нибудь себе сломать. В то же время долгие раздумья сейчас являлись непозволительной роскошью – темнело очень быстро, к тому же Ане показалось, что она слышала звук, похожий на вой, где-то в глубине леса. Опасливо озираясь, Аня поспешила по насыпи на север, решив, что при случае снова свернет в изначальную сторону.

Идти по условно ровной и прямой дороге было куда удобнее и быстрее, нежели брести через лес со всеми его сюрпризами. Растений на камнях росло мало, а деревья, пробившиеся между шпал, трудностей не доставляли. Однажды только путь перекрыла круглая деформирующая аномалия, разорвавшая рельсы и скрутившая их концы, словно проволоку. Кое-где на них еще держались брусья шпал, что придавало картине долю сюрреализма. Эту преграду девушка запросто обошла, опираясь на уже ставшее привычным ощущение границ. Сумерки

постепенно сгущались, начал накрапывать мелкий дождик, понизив температуру сразу на несколько градусов. Аня почувствовала, что замерзает. Еще в лесу ее кеды, стойко выносившие все неблагоприятные условия, выпавшие на их долю, не выдержали и впустили в себя вездесущую влагу, и теперь при каждом шаге в них тихонько чавкало. Дождь намеревался завершить начатое и промочить путешественницу насквозь. Аню такая перспектива не радовала, и она ускорила шаг, уже вовсю стуча зубами и отбросив осторожность.

Темнота полностью укрыла лес, и в зоне видимости остались только самые крайние деревья. Насыпь впереди, как и сзади, просматривалась плохо, стекла противогоза запотели и намокли от дождя. Вытирай – не вытирай, а смотреть через них стало значительно труднее. Аня с досадой поняла, что ночевать придется где-то здесь, и стала высматривать условно пригодное место. Разглядев внизу торчащее из насыпи нечто, схожее с каменной кладкой (уж слишком ровными были углы), она удивилась, откуда здесь взялся дом, но подойдя ближе, увидела всего лишь водопропускной канал, проходящий под насыпью. Аня спустилась и заглянула в тоннель – пусто, холодно и сыро. По дну струился тоненький ручеек, а по бокам стен имелись небольшие каменные выступы, вроде длинной ступеньки. Аня взобралась на один из них, набросала сухого камыша, собранного тут же у входа, и умостила на этой импровизированной подстилке. Та шуршала и кололась, но это все равно было лучше, чем лежать на холодных камнях. Свернувшись калачиком и надеясь, что никакая псина не вынюхает ее до утра, Аня впала в глубокий неподвижный сон.

* * *

Рассвет пришел лениво, нехотя разогнал темноту, но не жиденький туман и дождь. За пределами тоннеля царила тишина, нарушаемая чуть слышным падением капель.

Аня пришла в себя еще затемно, именно пришла в себя – не проснулась, потому что это состояние, в которое она буквально провалилась вечером, никак не подпадало под определение сна. Девушка словно потеряла сознание на всю ночь. Во всяком случае, именно это сравнение первым приходило на ум. Когда же она вынырнула из забытья и открыла глаза, поняла, что ее общее состояние стало хуже. Ане пришлось долго ждать, прежде чем ее телу вернулась подвижность. Поначалу она просто лежала, надеясь, что все случится само, как в первый раз, но холод не отпускал, а из чувств проснулся только голод. Когда же она наконец выбралась из своего укрытия, то еле заползла наверх, а после еще какое-то время сидела на рельсах, тяжело дыша и покачиваясь. Голова шла кругом, тело трясло от холода и слабости. Лучевая болезнь – догадалась Аня. Вот и проявилась. Догнала. Теперь конец? Громко и протестующе заворчал желудок. Похоже, организм не был согласен с подобными умозаключениями. Он требовал еды, которой не получал уже сутки, и не важно, как себя чувствует его хозяйка. Желудок словно протянул веревочку до самого мозга и теперь неистово за нее дергал, тянул, тряс, как будто кучер, погоняющий усталую лошадь, вынуждая забыть про всякую ерунду и сосредоточиться на поиске пищи. Какая еще, к черту, лучевая болезнь, когда от голода живот сводит? Об этом можно будет подумать и в другой раз, а сейчас... сейчас Аня должна во что бы то ни стало поесть. Что угодно! Иначе это чувство сведет ее с ума.

Посмотрев на мир чуть более трезвым взглядом, Аня увидела в паре десятков шагов впереди небольшое продолговатое здание с проматой крышей. Она не дошла до него всего несколько метров, банально не разглядев из-за дождя и темноты. А ведь могла бы провести ночь за стенами, а не так. Да какая разница? Что сделано, то сделано – теперь только осталось проверить, что там внутри. Собравшись с силами, Аня заковыляла к цели.

Вблизи все оказалось несколько иначе. Дом, маленький и деревянный, с обвалившейся крышей, из которой бодро торчало молодое деревце, стоял чуть в стороне, на возвышенности. Скорее всего, та когда-то являлась частью насыпи, но сильно заросла. От здания остались одни

стены: дверной проем пустовал, а оконные рамы давно лишились стекол, словно их тут никогда и не было. Аня зашла внутрь и устало опустилась на отсыревшие и замусоренные доски. Этот небольшой отрезок дороги дался ей с трудом, и хотелось использовать любую возможность, чтоб отдохнуть. Под давящий шум в ушах девушка осмотрела нехитрую обстановку, точнее, ее отсутствие. Сломанная крыша, навечно распахнутые окна и вход лишили это место права называться домом. Развалина, остов, скелет, но никак не дом. Здесь также не наблюдалось и следов человека, более того, сложно было предположить, что в подобных руинах когда-то кто-то жил: ни остатков мебели, ни утвари, ни обоев, только доски на полу и стенах. Соответственно, ничего съестного тут нет и в помине. Аня захотела закрыть глаза и заснуть – столь удручающим казалось положение, только вот гадкий желудок никак не позволял забыться: долбилась чуть ли не в мозг со своим единственным требованием. Если бы не он, девушка устроилась бы вон в том уголке, где посуше, и заснула. Может быть, даже насовсем... Но вместо этого Аня сидела на коленях сгорбившись и слушала. Шум в ушах прекратился, и теперь ее слух улавливал шелест ветра за стенами, капаящую воду с обломков крыши и тихие шорохи под полом. Мыши.

Аня захотела улыбнуться. Еще вчера она даже думать не хотела о них, а прямо сейчас вполне всерьез рассматривает этот вариант. Если она затянет с поиском еды еще на сутки, то не сможет ходить. Странно, обычно люди держатся без еды несколько дней, четыре или пять, кажется, но тут не прошло и двух суток, а организм уже начал сдавать. Впрочем, девушка постоянно двигалась, ходила, бегала, возможно, это тоже сыграло свою роль. Аня не совсем понимала, что с ней происходит и почему, но уверена была в одном: если она поест, то ей непременно станет лучше.

Внезапно прямо перед ней появилась мышь. Маленький темно-серый зверек осторожно вылез из щели в полу и уставился на Аню крохотными глазками. Тонкие как паутинка усики трепетали, когда его нос ловил запахи, пытаясь понять, есть ли среди них опасность. Девушка не шевелилась, и мышонок, решив, что все в порядке, отправился по своим делам. Он неторопливо обнюхал пол, прошелся вдоль стены и остановился в двух-трех шагах от странного существа у входа, заинтересовавшись кучей листьев. Все это время Аня не сводила с него напряженного взгляда и сидела, словно на иголках. Все органы чувств сконцентрировались на маленьком сером комочке впереди, вокруг исчезли все звуки, все движения, кроме тех, что производила маленькая мышь, копошившаяся в листе. Но Аня сомневалась.

Сможет ли поймать? А вдруг промахнется? А нужно ли это делать? Оно ведь живое... Как его схватить? А если он кусается? Стоит ли пытаться?

Сотни тысяч сомнений копошились в голове, и только один голод твердил: «Хватай!» И когда напряжение между этими двумя полюсами накалилось до предела, Аня схватила. Она рванулась вперед, неуклюже вытянув руки, стукнулась локтями об пол, накрыла пальцами мышь и... та выскочила! Зверек выпрыгнул и пулей метнулся в щель в полу. Девушка попыталась перехватить его, но тщетно.

Увидев, как тоненький хвостик исчезает меж досок, Аня зарычала от злости. Хватит играть! Нужно достать этот паршивый комок шерсти! Она просунула пальцы в зазор между полосками дерева и резко дернула на себя. Раздался сухой треск, и доска взлетела вверх, подняв небольшое облачко пыли. Внизу мелькнула серая шкурка. Ага! Следом полетела еще одна доска и еще. Аня ломала пол с яростью дикого зверя, не ощущая, как царапает пальцы и загнояет занозы в ладони. Это было не важно, схватить – вот что имело значение, и, сорвав очередную половицу, она схватила. Мышь запищала, отчаянно извиваясь и намереваясь укусить обидчицу. Зверек был напуган шумом и внезапной поимкой и готов был бороться за жизнь, но девушка крепко сжала его тельце, и он быстро обмяк.

Поймала...

Поймала!

Аня сидела в пыли, среди вывернутых из пола и разбросанных досок, почти что на голой земле и смотрела на зверька в своей руке. Мышь была мертва, но ее тело оставалось по-прежнему теплым, шерстка пахла сухой травой, зерном и немного землей.

Что теперь? Есть ее? Как?

Девушка снова почувствовала страх и еще отвращение, но проклятый желудок горланил как ненормальный, не желая прислушиваться к голосу разума. Он хотел есть, все тело хотело есть, и мозг, до последнего отрицавший подобное поведение, тоже нуждался в пище.

Аня решила, что если уж есть мышь, то надо хотя бы избавиться от шкурки. Словно во сне, она надорвала ее ногтями и вскрыла тушку. На пол закапало, затем тихо шлепнулось – разум подсказывал, что внутренности тоже употреблять не стоит. Осторожно понюхав то, что осталось в руках, Аня ожидала, что услышит какой-нибудь мерзкий тошнотворный запах, ее вывернет, и на этом все закончится, но ничего подобного не произошло. Запаха почти не было. Точнее, он был, но никаких неприятных ощущений не вызвал, напротив, девушка вдохнула тепло и мягкий аромат свежего мяса, приятный и... правильный. Да, все правильно: лови и ешь. Если нет ничего другого, сырое мясо – тоже еда.

Аня зажмурилась и принялась жевать свою добычу. Мясо было теплое, довольно мягкое, но упругое, с едва уловимым сладковатым привкусом. Стараясь не думать об этих ощущениях, девушка попыталась представить, что ест нагретый солнцем помидор, сочный, вкусный, он лопнул в руках, и это не что иное, как его сок стекает, капает на пол. Лопнул, как Степан в той аномалии...

На зубах что-то хрустнуло, и Аня чуть не подавилась, вспомнив про кости. Помидор с костями. Совсем как... Она тряхнула головой, отгоняя дурацкие мысли. Если ее сейчас стошнит, вся охота и потраченные силы пойдут насмарку. Нечего всякий бред накручивать. Ее друзья пришли в Зону, думая каждый о своих интересах, так какого лешего теперь на них оглядываться? Аня выплюнула косточку, а остальное доела уже аккуратнее, каждую минуту ожидая, что живот скрутит жутким спазмом и вытошнит все съеденное. К ее удивлению, желудок воспринял новую еду довольно терпеливо и отказываться не спешил. На всякий случай девушка выждала время, прислушиваясь к ощущениям, и все было в порядке ровно до тех пор, пока она не открыла глаза. Увидев перепачканные руки и кровавый комок на полу, Аня почувствовала, как внутри что-то мерзко зашевелилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.